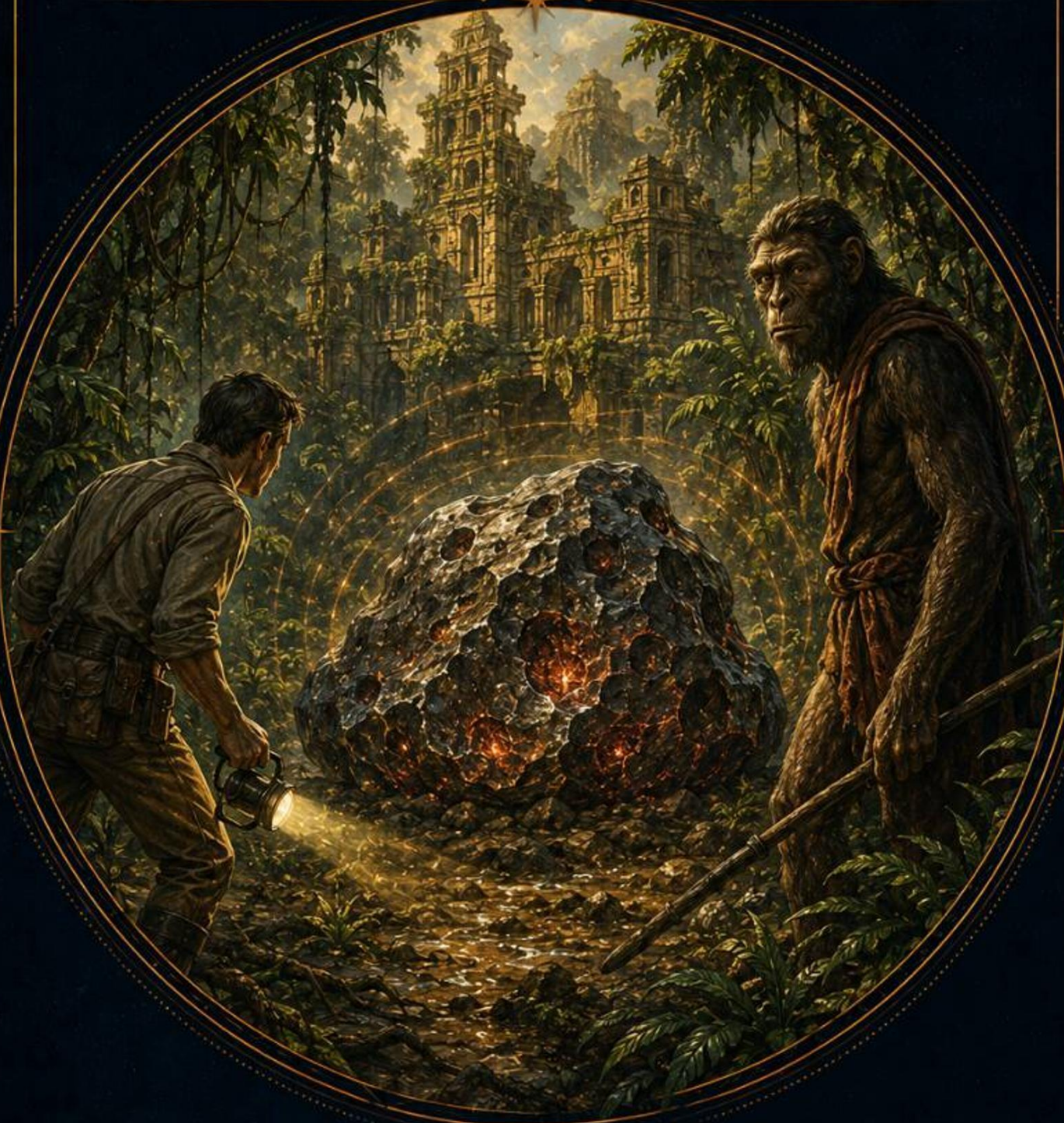

ВСЕЛЕННАЯ ФАНТАСТИКИ

ЖЕЛЕЗНАЯ ЗВЕЗДА

ДЖОН ТЕЙН

Джон Тейн

Железная звезда

«Автор»

2026

Джон Тейн

Железная звезда / Джон Тейн — «Автор», 2026

«Железная звезда» — захватывающий научно-фантастический роман, созданный под псевдонимом Джон Тейн выдающимся математиком Эриком Темплом Беллом. В непроходимых джунглях Центральной Африки группа исследователей сталкивается с тайной, способной изменить само представление о происхождении человека. Загадочный железный метеорит, древние руины, разумные человекообразные существа и необъяснимое воздействие неизвестной силы складываются в опасную головоломку, где цена ошибки — судьба всего человечества. Соединив дух приключенческих романов с оригинальными научными гипотезами, автор создал одно из самых необычных произведений классической фантастики 1930-х годов. «Железная звезда» — это роман о жажде познания, тайнах эволюции и неизведанных силах природы, который и сегодня читается с неослабевающим интересом.

© Джон Тейн, 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1. ТАЙНА ИЗ ДЖУНГЛЕЙ	5
ГЛАВА 2. БЕЗУМНЫЙ ПОРЫВ	15
ГЛАВА 3. ЕГО НАРОД	28
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Джон Тейн

Железная звезда

ГЛАВА 1. ТАЙНА ИЗ ДЖУНГЛЕЙ

Молодой доктор Колтон был озадачен. У его пациента – седеющего, мускулистого мужчины лет сорока пяти – не наблюдалось ни признаков нервного срыва, ни симптомов какого-либо органического поражения. Свейн разделся догола, и после долгого, дотошного осмотра у врача не осталось неисследованным ни единого участка тела. И все же этот марафон не дал ровным счетом ничего. Между тем пациент был тяжело болен – куда тяжелее, чем догадывался сам.

Двадцать лет службы врачом–миссионером в гнилых, охваченных лихорадкой болотах и джунглях верховьев Конго выпили из него все соки и до самого основания разложили натуру. Втайне Свейн знал, какой недуг его точит, но болезнь так исказила разум, что он пытался обмануть даже себя, скрывая ее истинную природу.

Некогда прямой и открытый как ладонь, теперь бывший миссионер лгал с такой изворотливостью, какая и не снилась иным пациентам. Спустя пять лет после возвращения в Америку Свейн разыскал Колтона – "того самого чикагского Колтона", блестящего светила в области тропической медицины. Он явился с громогласным намерением исцелиться, но подспудно желал иного: доказать, что он неизлечим и куда умнее любого лекаря на свете. И сейчас, втайне злорадствуя при виде озабоченно нахмуренного лба доктора, Свейн праздновал победу.

Застегивая рубашку и поправляя воротничок, он ощутил смутный укол обезьяньей хитрости. Словно сметливый примат, выставляющий дураком своего хозяина, он, безвестный миссионер, чьих познаний в науке едва ли хватало на то, чтобы вправить вывих или прописать капли от колик, наголову разбил великого Колтона на его же собственном поле.

Болезнь его была тропической – ведь подхватил он ее в тропиках. Вот только ни Колтон, ни любой другой врачеватель человеческих недугов не смогли бы дать ей названия, ибо природа ее была нечеловеческой. Свейн понимал, что отныне он может грешить в абсолютной безопасности. Если уж цвет тропической медицины в лице Колтона бессилен его раскусить, то и чикагская полиция подавно не раскинет сетей, способных уловить его пряткие ноги.

– Значит, вы понятия не имеете, что со мной? – спросил он с иронической усмешкой. – А мне говорили, вы лучший в Америке специалист по тропическим болезням.

Колтон пропустил сомнительный комплимент мимо ушей.

– Вы больны, – медленно произнес он. – Это заметил бы и деревенский аптекарь. Но я не уверен, что вы обратились по адресу, несмотря на все ваши двадцать лет в тропиках. – Он умолк и, пока Свейн завязывал шнурки, посмотрел в окно на бликующую гладь озера. – Кстати, – небрежно обронил доктор, – вы когда-нибудь принимали наркотики?

Суровые складки у глаз и рта отставного миссионера обозначились отчетливее, на лице проступило выражение добродетельного упрямства.

– Я склонен полагать, – ответил он с пуританской чопорностью, – что подхватил какую-то неизученную тропическую лихорадку во время миссии в Африке.

– Но вы не отрицаете, что принимали опасные препараты? – настаивал Колтон.

На долю секунды Свейн замешкался. Его моральный кодекс давно сделался настолько растяжимым, что без труда вмещал ложь – при условии, что она была невинной или, на худой конец, нейтральной. С чисто звериным лукавством он рассудил, что откровенная правда прозвучит сейчас куда обманчивее любой невинной лжи.

– Нет, – ответил он, вызываясь взглянув на скептически настроенного врача. – Я никогда не был наркоманом. Соблазн опуститься до уровня тех дикарей–вырожденцев, которых я пытался спасти, возникал часто. Но я не поддался. Вы ведь не назовете вредной привычкой редкий прием веронала от бессонницы?

– Смотря что считать "редким", – сухо парировал доктор. – Впрочем, не стану настаивать, если веронал – ваша единственная слабость. Жертвой этой конкретной глупости вы не стали, во всяком случае пока. В корне ваших бед лежит что–то другое, какой–то менее очевидный порок. – Тон Колтона резко ожесточился. – Не веронал, не морфий и не хлоралгидрат превратили вас в то, что вы есть сейчас. Полагаю, в джунглях Конго все это не так–то просто достать. Но, – его голос хлестнул, точно бич, – вы откопали в этой Богом забытой дыре какую–то куда более мерзкую, животную гадость и стали ее рабом. Ни один врач в мире не принесет вам ни грамма пользы, пока вы тратите свой изощренный ум на то, чтобы прятать болезнь. Ну же, признавайтесь. Тогда я, возможно, сумею вам помочь. Иначе с тем же успехом вы можете выбросить деньги в окно.

– Я пришел в ваш кабинет, чтобы проконсультироваться о здоровье, а не выслушивать оскорбления. Всего хорошего.

Колтон добродушно рассмеялся. Он полагал, что прекрасно знает капризы больных, – и действительно знал, если дело касалось обычных людей.

– Что ж, мистер Свейн, раз вы так это воспринимаете, гонорара я с вас не возьму. Сбереженные деньги можете бросить в озеро, вреда будет меньше. Заглядывайте, когда появится желание поговорить начистоту.

Свейн захлопнул дверь и размашистым шагом пересек приемную, не глядя по сторонам. Однако не одно лишь желание сбежать от тихого сарказма Колтона гнало его сломя голову по коридору к лифту. Неодолимая тяга внезапно схватила его за горло и чтобы утолить этот противоестественный голод, ему необходимо было во что бы то ни стало добраться до своей квартиры.

В нетерпеливом ожидании лифта он сдерживал себя из последних сил, с трудом подавляя дикое желание рвануть на себя железные створки шахты и на руках соскользнуть вниз по стальному тросу. Налившиеся яростью мышцы шеи вздулись узловатыми жгутами, сухие, сильные пальцы судорожно сжимались и разжимались. Наконец лифт остановился напротив, решетчатые двери с лязгом распахнулись, и он метнулся в кабину, точно затравленный зверь. Полминуты спустя он уже мчался через Мичиган–авеню, лавируя в потоке машин с проворством хорька, без оглядки несясь к ближайшей станции Иллинойсской центральной железной дороги. Южный экспресс умчал его вместе с ужасным недугом – бок о бок с сотней нормальных, здоровых людей – в сторону жилого квартала Гайд–парк.

После стремительного ухода пациента Колтон принялся медленно мерить шагами кабинет перед открытыми окнами. Временами он замирал, глядя на снующие внизу автомобили или на озерную даль, и напряженно думал о человеке, чей случай совершенно поставил его в тупик. Его талант диагноста впервые натолкнулся на столь серьезное препятствие, и абсолютное бессилие разгадать пациента раздражало врача.

Его не оставляло странное чувство, будто он подошел вплотную к разгадке, но та ускользала от него лишь потому, что в памяти не всплывало одно–единственное, простое слово. Доктор рассеянно разглядывал вывески на окнах офисного здания напротив, словно надеясь отыскать там ключ к тайне.

Далеко внизу, на уровне улицы, его внимание привлекли высокие позолоченные буквы салона красоты, вспыхивавшие под лучами предвечернего солнца. В этих буквах и крылась разгадка, но мысль доктора блуждала совсем в других сферах и пока не зафиксировала подсказку. Отодвинувшись от окна, Колтон снова принялся расхаживать по комнате. И вдруг, точно из ниоткуда, слово, которое он тщетно искал, яркой вспышкой озарило сознание.

Волосы.

На протяжении всего скрупулезного осмотра доктор безуспешно пытался совладать с жутким чувством смутного понимания, которому не находил объяснения. Почему, недоумевал он, этот пациент так настойчиво напоминал ему существо, стоящее чуть ниже человека? И что именно вызывало в памяти тело Свейна? Колтон сдался. В конце концов, причудливое распределение волосяного покрова на теле Свейна могло оказаться обычной причудой природы, редкой аномалией, не значащей ничего особенного.

Теперь, сопоставляя детали, он вспомнил крошечные завихрения пушка на тех участках кожи Свейна, которые у нормального человека остаются гладкими. Общее впечатление от этой причуды анатомии оставалось крайне отталкивающим.

Колтон решил выбросить увиденное из головы. Бесплодные размышления не принесли бы пользы ни ему, ни пациенту. Решительно повернувшись к столу, он засел за рукопись своей будущей книги "Человек и амеба". Неприятная мысль, которой со временем предстояло перевернуть всю его жизнь и забросить в неведомые края, какие и не снились большинству смертных, на время затерялась в завлекательных лабиринтах медицинских изысканий.

Тем временем Свейн, мускулистый и напряженный, точно горилла, выскочил из экспресса на Пятьдесят третьей улице и помчался на запад размашистой походкой вразвалочку. Ему нужно было добраться до квартиры сию же минуту, иначе он сойдет с ума. Вдруг он замер как вкопанный, услышав пронзительный крик итальянца–зеленщика:

– Бананы, апельсины, спелые бананы, сладкие апельсины! – тонким тенором распевал лоточник, медленно толкая тележку вдоль самого тротуара.

Свейн глазами пожирал багрово–золотую гору фруктов на тележке всего в десяти шагах от него. Мышцы его натянулись, в уголках рта выступила слюна. Заметив потенциального покупателя в диковатом человеке у фонарного столба, торговец оставил тележку и поспешил к нему с корзиной бананов. На миг показалось, что живому ему до тротуара не дойти.

Звероподобная маска слепой ярости исказила хмурое лицо бывшего миссионера, его округлившиеся глаза сузились, наливаясь багровым гневным светом, и намертво впились в испуганного торговца. Напряженные мышцы ног сжались, готовые к прыжку. Но прыжка не последовало. Гримаса ненависти и неестественного вожделения внезапно сменилась судорогой потрясения; странным, диким, совершенно нечеловеческим движением Свейн крутанулся на одной руке вокруг фонарного столба и припустил на запад – качающейся, разболтанной походкой, точно пьяный.

На Эллис–авеню он свернул на юг. Через пару минут он уже открывал дверь квартиры, но ключ в дрожащих пальцах никак не попадал в скважину. Перескакивая через три ступеньки, он взлетел по лестнице. Весь второй этаж принадлежал ему, так что таиться ему было незачем.

Лицо его исказила мучительная судорога. Опустившись на корточки возле кровати, он заглянул под нее. Небольшой плоский дорожный сундук стоял на прежнем месте – в его отсутствие никто не позарился на безымянное сокровище. Мускулистая рука нырнула под кровать и вцепилась в железную ручку. С полминуты раб порока пытался и тужился, пытаясь сдвинуть с места неказистый сундучок. Наконец, задействовав всю силу спины, рук и мощной груди, он нашел нужный упор. Дюйм за дюймом сундук нехотя выползал наружу.

То, что лежало внутри, обладало чудовищной, противоестественной тяжестью.

Все еще тяжело дыша от усталости, Свейн нащупал ключ. Пот градом катился по лицу и шее, когда он повернул ключ в замке и откинул крышку.

Сундук был пуст. Обнаженные доски не прикрывали даже обрывки привычной бумажной или тканевой обивки. К самому дну одиноким гвоздиком была прибита визитная карточка Свейна с набросанным карандашом адресом в Конго. За вычетом этой довольно странной метки ничто не указывало на имя владельца. Снаружи виднелись обычные багажные наклейки, но никаких имен на них не было.

Присев на край кровати, Свейн уперся локтями в колени и подпер кулаками щеки. Добрых десять минут сидел он так над пустым сундуком, не отрывая взгляда от гвоздика, которым была прибита визитная карточка. Случайный наблюдатель, застав его за этим занятием, непременно решил бы, что Свейн погрузился в самогипноз.

Пока он неподвижно созерцал гвоздик, черты его лица претерпели причудливое превращение. Описать природу этой едва уловимой перемены, постепенно искажавшей напряженные лицевые мышцы, было бы непросто. Слово "нечеловеческий", хоть оно и не вполне точно и служит лишь грубым приближением к истине, пожалуй, лучше любого другого передавало новый облик этого несчастного. В глазах угасла искра разума, а расплывшиеся очертания рта и ноздрей подернулись маской тупого животного безразличия. Черты лица не огрубели физически – они словно стали более плотскими, тяжелыми.

Наконец в пустом взгляде снова блеснул огонек, и раб странного порока глубоко вздохнул. Наклонившись еще ниже, он опустил голову в сундук и несколько раз жадно, во всю грудь, вдохнул застоявшийся там воздух. И снова случайный свидетель обманулся бы слишком очевидной картиной. Что могло быть естественнее мысли, будто изнутри сундук обработали каким-то летучим алкалоидом, чьи тяжелые ядовитые пары наполнили его невидимым пьянящим дурманом и забвением?

Как Колтону предстояло узнать много позже, это простое объяснение было бесконечно далёко от истины. Зловещее влияние, какова бы ни была его природа, не имело ни вкуса, ни запаха, ни цвета. Но Колтон еще даже не приступал к расследованию этого безымянного зла, со зловещей быстротой разрушавшего тело и душу Свейна. Прежде чем подступиться к тайне, нужно было вырвать у Свейна признание, а чтобы тот решился признать свой противоестественный порок, его необходимо было лишить источника пагубного вдохновения.

Тихое царапанье с той стороны двери, ведущей во внутреннюю спальню, вернуло Свейна к действительности. Он встрепенулся и поспешил к запертой двери, оставив сундук распахнутым у кровати. Достав из кармана ключ, он отпер замок и приоткрыл дверь на пару дюймов.

– Чего тебе? – потребовал он.

В ответ донеслось лишь невнятное горловое урчание. Тем не менее Свейн, похоже, отлично понял, чего хочет обитатель спальни. С раздраженным восклицанием он оглядел комнату и, не найдя искомого, поспешно направился на кухню.

Вскоре он вернулся с широким тазом, полным свежей воды.

– На, держи, – сказал он, распахивая дверь уже на добрых два фута.

Смутная мускулистая рука, почти сплошь покрытая жесткой черной шерстью, резко высунулась наружу, и сильные пальцы вцепились в таз. С содроганием и отвращением Свейн поспешно захлопнул дверь и повернул ключ. Затем, тяжело пыхтя и надрываясь, он задвинул сундук обратно под кровать и, бросив прощальный взгляд на комнату, стремительно вышел. Через несколько мгновений он уже шагал по Эллис-авеню к Мидуэю той самой причудливой, качающейся походкой, из-за которой прохожие шарахались от него, как от пьяного.

Невзирая на сигналы светофора, он, рискуя жизнью, лавировал между проносившимися автомобилями и спешил на юг, к Пятьдесят третьей улице. Целью его была овощная лавка.

– Бананов, – буркнул он подошедшему итальянцу. То ли продавец слишком медленно выполнял нехитрый заказ, то ли владевшее Свейном зловещее влияние заставило его напрочь забыть о приличиях, но он с нечленораздельным яростным рыком рванулся вперед, выбил из рук итальянца изогнутый нож для срезки плодов и силой вырвал всю банановую связку. Затем, не обращая внимания на оцепенение покупателей, он принялся срывать бананы со стебля и пожирать их вместе с кожурой с какой-то звериной свирепостью. Дюжина, две дюжины, три дюжины исчезли в его оскаленной пасти. Теперь Свейн ел лишь раз в день, и голод оборачивался для него поистине ненасытным аппетитом. Наконец он насытился.

– Сколько? – бросил он, игнорируя изумление итальянца.

– Доллар сорок пять центов.

Свейн расплатился и, покачиваясь, вышел из лавки. Свернув на восток, он направился к Джексон-парку. Неодолимое желание вырваться из грохота надземки и дребезжания трамваев гнало его вперед едва ли не бегом. Прохожие расступались, давая ему дорогу, но он словно не замечал недоуменных взглядов. Регулировщик на Вудлон-авеню крикнул ему подождать разрешающего знака, но преследуемый своим недугом человек лишь прибавил шагу и с невероятной ловкостью, буквально на волосок, разминувшись со смертью под колесами автоцистерны.

К воротам парка он подобрался незадолго до заката. Для его затравленного взгляда ухоженные кустарники и аккуратно подстриженные деревья были лишь жалкой пародией на дремучие лабиринты Конго. Это были не деревья, а изнеженные заморыши из какой-то чахоточной теплицы. Сам воздух казался спертый и зловонным, пропитанным испарениями слишком людного города.

Толпы, возвращавшиеся с полей для гольфа или теннисных кортов, завидев этого дикого, осунувшегося человека с седеющими волосами, обходили его стороной. Не один прохожий содрогнулся при мысли о том, каково было бы встретить подобное существо в одиночку ночью на темной парковой дорожке, а одна пара и вовсе решила заявить в полицию. Но они забыли об этом или просто поленились, предпочтя за ужином в гольф-клубе смыть неприятный осадок от встречи с безумцем. Больше о нем ничего не было слышно до следующего утра, когда десятки горожан вспомнили это вечернее происшествие.

Из газетной заметки следовало, что дежуривший у купален полицейский услышал в парке крики вскоре после десяти часов вечера. Как известно, с точностью определить направление звука крайне трудно. Страж порядка рассудил, что кричали в роще у южной оконечности лагуны. Прибыв на место, он не обнаружил ничего необычного. В лунном свете под деревьями мирно раскинулась лужайка, а спокойная гладь лагуны дремала без единой ряби. Осмотрев окрестности и успокоившись, он направился обратно к купальному павильону, чтобы связаться с участком и доложить обстановку.

Возвращался он другой тропой, петлявшей под раскидистыми ивами. Услышав над головой легкий шорох, полицейский поднял глаза и отчетливо увидел высоко в ветвях ивы, под которой проходил, черную тушу человека или какого-то человекообразного существа, раскачивающегося на руках. Приказ спуститься был проигнорирован, и тогда патрульный предупредил, что будет стрелять на поражение. Едва грохнул первый выстрел, существо словно оживло. С невероятной быстротой и легкостью оно перемахнуло с ветки на ветку, перепрыгнуло на соседнее дерево, промелькнуло сквозь крону и наконец спрыгнуло на землю на четвереньки. В тот же миг оно выпрямилось и в два прыжка достигло зарослей кустарника, где и скрылось с треском ломающихся веток. Полицейский выстрелил в упор по кустам, но ни крика, ни стога в ответ не услышал.

Рассудив, что пуля угодила твари прямо в мозг, он полез проверять заросли. Но стоило ему пробиться в самую гущу, как темный силуэт метнулся буквально у него из-под ног и проломился сквозь кусты к тропинке с противоположной стороны. Не имея возможности прицелиться из-за ветвей, скомковавших руки, полицейский выстрелил наугад. Пули ушли в молоко, а когда он наконец продрался к тропе, от беглеца и след простыл.

Прибывшие из управления детективы обнаружили лишь два ряда следов: один принадлежал посрамленному стражу порядка, другой – предположительно, беглецу. Однако отыскать их среди сотен других отпечатков на оживленной дорожке, ведущей от купален к полям для гольфа, оказалось невозможно. Тайна ночных воплей так и осталась неразгаданной. Вероятно, виновники переполоха не горели желанием попасть в газеты и были рады, что отделались лишь сильным испугом.

Ограничившись общим предупреждением горожанам не сворачивать в темноте с хорошо освещенных аллей, полиция выставила в ключевых точках парка агентов в штатском и стала ждать повторного появления "маньяка". Но меры предосторожности оказались напрасными.

Медицинский конгресс подходил к концу. Шесть дней ведущие врачи Соединенных Штатов, собравшиеся в Чикаго, заслушивали доклады и лекции мировых светил, ведущих непрерывную борьбу с болезнями. Эта, последняя лекция сессии, носила научно-популярный характер, и вход на нее был свободным. Сэр Эмброуз Пейджет, крупнейший авторитет в области искусственного выращивания человеческих тканей, собирался изложить результаты своей работы языком, понятным для широкой публики.

За час до начала огромный амфитеатр был забит до самых галерей. Сюда валом повалили не только городские эскулапы и студенты-медики; судя по блеску вечерних туалетов и роскошных шляпок, на лекцию явился и весь высший свет.

Колтон, человек практичный и опытный, пришел пораньше и занял место в первом ряду балкона. С ним были знаменитые Блейки, отец и сын, эксперты по расщеплению атома. В ученом мире этот уникальный тандем именовали не иначе как Большой Том и Маленький Том. Большому Тому, отцу, не исполнилось еще и пятидесяти, и он сам выпестовал сына себе на смену. Двадцатичетырехлетний Маленький Том наступал отцу на пятки с такой резвостью, что Большому Тому вскоре пришлось бы бежать со всех ног, дабы не отстать безнадежно в гонке за научными лаврами. Их последняя работа – радикальное усовершенствование радиоламп – почти целиком была заслугой младшего Блейка. В данную минуту отец и сын вели с Колтоном жаркий спор.

– Говорю тебе, – с нажимом втолковывал Большой Том, – этот врач – набитый дурак. Мне перемена обстановки нужна не больше, чем ему самому. Идея угробить целый год на "путешествия и отдых" просто смехотворна. Человек моего склада, бездельничая, ни черта не отдыхает. К тому же я терпеть не могу душные вагоны и сквозняки на палубах.

– Попробуй пеший туризм, – предложил Колтон. – Поверь мне, не все врачи – шарлатаны. А твой доктор, насколько я знаю, первоклассный консерватор и представитель старой школы. Если он говорит, что тебе нужен годовой отпуск, шансы сто к одному, что так оно и есть.

– Поддерживаю предложение! – горячо подхватил Маленький Том. – Если Большой Том берет отгул на год, мне придется сделать то же самое. Да и я, признаться, сыт работой по горло. Поедем куда-нибудь, поглядим на заграничных красоток.

– Отечественных ты в последнее время и так пересмотрел с избытком, – сухо отрезал отец. – Если уж нам и впрямь придется тащиться в эту чертову поездку, я настаиваю на стране, где женщины обходятся без кокетства и столичных штучек.

– Новая секретарша пыталась его окрутить, – пояснил Маленький Том Колтону, – а он сделал вид, будто ему это не по душе. Ладно, Большой Том, если хочешь, давай махнем в Африку.

– А что, дело говорит, – согласился Колтон. – Почему бы вам обоим не поехать со мной в Конго?

– Чтобы подхватить сонную болезнь? – возразил Большой Том. – Нет уж, спасибо. Я и без того туго соображаю.

– Но ведь сонная болезнь побеждена! – с обидой в голосе запротестовал Колтон.

– И чтобы доказать это, – подмигнул Маленький Том, – Институт посылает тебя туда пересчитывать трупы.

– Вовсе нет, – с жаром возразил Колтон. – Вы вообще ничего не поняли. Новое лекарство, "Байер – двести пять", творит чудеса. Институт отправляет меня собрать факты и цифры для масштабной агитации. Нам нужно убедить деловых людей – тех, у кого в руках доллары, – что медицинские исследования приносят пользу, иначе они больше не раскошелятся. С точки

зрения чистой тропической медицины моя экспедиция – сущий анекдот. Все равно что навредить румянец на спелый персик. Но как веский довод, чтобы выбить миллионы на борьбу с другими болезнями, эта поездка – просто высший класс, если понимаете, о чем я.

– Кажется, понимаю, – признал Большой Том. – Одна из этих сирен в нашей бухгалтерии точь-в-точь так же отзывалась о моем многообещающем сынке.

– Какая именно? – живо поинтересовался Маленький Том.

– Неважно, – отрезал отец. – Вчера она уволилась.

– Хочешь сказать, ты ее уволил, старый, злобный, ревнивый сухарь!

– Эй, вы оба! – приструнил их Колтон. – Делить трофеи будете снаружи. Здесь научная арена, а не боксерский ринг. В общем, подумайте. В Конго я устрою вам незабываемое времяпрепровождение. Если вам так уж нужно побыстрее вернуться, обернемся всего за девять месяцев. Ба, – внезапно прервал он сам себя, – интересно, что этот господин забыл на лекции?

Колтон кивнул на высокую, мускулистую фигуру Свейна, который как раз собирался сесть в первых рядах партера. В нескольких словах, не выдавая врачебной тайны, он рассказал друзьям все, что знал о пациенте.

– Кажется, бывший врач-миссионер в Конго. Я бы скорее подумал, что тропические болезни интересуют его куда больше, чем выкладки Пейджета об искусственном выращивании тканей. Интересно, понимает ли он, куда вообще пришел?

– Не нравится мне, как выглядит твой приятель, – заметил Большой Том, внимательно всмотревшись в ничего не подозревающего Свейна. – Какой-то он дерганный, вам не кажется?

– Перебрал Конго, не иначе, – предположил Маленький Том. – Вот и ты станешь таким же, – повернулся он к отцу, – когда мы вернемся.

– Если только нас не приберет сонная болезнь, – хмуро отозвался Большой Том.

– Да говорю же вам, сонная болезнь больше не опасна! – с раздражением повторил Колтон.

Его дальнейшие излияния оборвались с появлением лектора на трибуне. Когда восторженные аплодисменты наконец стихли, сэр Эмброуз перешел прямо к сути дела. Для большинства присутствующих медиков это была уже знакомая история, хотя изыскания сэра Эмброуза начались всего два года назад. Остальной же зал затаил дыхание, внимая простому и величественному откровению о новом мире, едва брезжившем на темном горизонте неизведанного.

После первых же вводных фраз лектора Колтон поймал себя на том, что неотрывно наблюдает за Свейном. Вскоре игра противоречивых чувств на лице бывшего миссионера захватила его так сильно, что на самого сэра Эмброуза доктор больше не смотрел. Завороженный страх, неверие и тайное торжество сменяли друг друга на лице Свейна, точно зыбкие блики на воде. Очевидно, тот и не подозревал, что за ним наблюдают и подвергают безжалостному разбору.

Когда сэр Эмброуз вкратце изложил историю экспериментов, послуживших отправной точкой для его собственных изысканий, Свейн подался вперед с выражением благоговейного, нездорового любопытства. Рассказ о поразительном, ставшем уже классическим достижении де Сегюэра – великого французского хирурга, который сумел поддерживать жизнь в человеческом сердце, заставив его биться в слабом солевом растворе в течение шестидесяти часов после того, как оно было извлечено из тела казненного убийцы, – заставил это напряженное лицо вспыхнуть трепетной радостью. Когда же лектор перешел к собственным исследованиям, возбуждение Свейна едва не вырвалось наружу.

Сэр Эмброуз с поразительной ясностью очертил свои труды по изучению влияния радия и других радиоактивных минералов на рост или разрушение клеток – того самого материала, из которого мы сотканы, – когда они отделены от живого организма. Слушатели, пожалуй, вынесли из этих слов гораздо больше, чем лектор сказал или хотя бы имел в виду.

Он не утверждал, будто можно оживить мертвую плоть, и не заявлял, что способен по воле своего каприза управлять ростом человеческих тканей. Тем не менее из того, что излагалось как трезвый научный факт, уму, не привыкшему к холодному и точному языку науки, было легко и естественно сделать вывод, будто сэр Эмброуз Пейджет, великий медицинский светило, именно это и провозгласил. Таков обычный исход любой научно-популярной лекции.

Как ни старался сэр Эмброуз быть донельзя осторожным в суждениях, ему это не вполне удалось. Не один обыватель покинул зал в твердом и неискоренимом убеждении, что при помощи правильных химикатов или радиоактивных излучений – "лучей", на туманном языке улицы – можно так подчинить себе железы внутренней секреции, что физический облик, пол, характер и даже умственные способности изменятся до неузнаваемости, если не переродятся полностью. Сэр Эмброуз ничего подобного не говорил. Ближе всего он подошел к этому, когда высказал осторожное пророчество: дескать, когда-нибудь подобные вещи станут обычным делом в кабинете любого врача. Тогда, шутливо добавил он, превращение идиотов в гениев, а преступников в святых станет обыденным вопросом.

Более того, пустился он в пророчества в том же юмористическом ключе, достаточно будет облучить железы пациента подходящим типом "лучей", чтобы заставить два волоска вырасти там, где не росло ни одного, и тем самым наделить лысых пышной шевелюрой, а дам – бородами. Этим утешительным словом надежды для безволосых он завершил свою блестящую лекцию и под шквал аплодисментов откланялся.

Остается лишь пожалеть, что пресса, анонсируя выступление сэра Эмброуза, забыла упомянуть, что в Англии он известен своим лукавым, сухим чувством юмора ничуть не меньше, чем сугубо научными трудами. Похоже, англичанину так же опасно шутить в Нью-Йорке или Чикаго, как американцу – в Лондоне или Манчестере. Лучше бы им этого не делать.

Ни на кого из присутствующих лекция не произвела более глубокого впечатления – истинного или ложного, – чем на Свейна. По тому ошеломленному, торжествующему виду, с каким тот поднялся с места, Колтон понял, что каждый выстрел, будь то холостой или боевой, попал в цель.

– Ну–с, – с кислой гримасой обратился Большой Том к доктору, – как вам это зрелище?
– А вам?

– Так себе. Для воскресного фельетона сойдет, но для такой публики слабовато. Он, должно быть, держит нас за круглых дураков.

– Не обязательно. Я хочу сказать, может, мы и есть дураки. Прошу меня извинить. Увидимся завтра, и тогда обсудим наши планы на Конго.

Колтон поспешил к выходу, чтобы перехватить Свейна до того, как тот затеряется в толпе. Ему хотелось, чтобы встреча выглядела случайной. Удача улыбнулась ему. Он спустился в вестибюль как раз в тот момент, когда Свейн выходил на улицу.

– Ну что, – начал он, – как вам лекция?

Свейн, судя по всему, не был расположен к беседе.

– Нормально, – буркнул он уклончиво и попытался протиснуться сквозь толпу.

Но от доктора было не так-то легко отделаться.

– Мне показалось, под конец он ударился в крайности. Вам так не кажется?

– Нет.

Колтон притворно удивился резкому отказу.

– Вы читали об этих экспериментах?

Свейн метнул в него подозрительный взгляд.

– А почему бы мне и не читать, если интересно? – огрызнулся он.

– Да нет никаких причин. Напротив, я бы очень удивился, если бы вы, старый медицинский волк с кучей свободного времени, не следили за подобной литературой. Вам в какую сторону?

– Домой.

– Что ж, давайте пройдемся немного вместе. Вы где устроились?

– На Эллис.

– Вот и отлично. Мне как раз нужно подышать свежим воздухом после этой духоты. Я живу по ту сторону Вашингтон–парка, так что нам по пути. Кстати, – заметил он с добродушным смешком, – вы ведь не в обиде за мои давешние слова? У вас нет причин сердиться. Считайте, это был обычный разговор между врачом и пациентом.

Свейн резко остановился.

– Послушайте, – отрезал он, – что вам от меня нужно? Я у вас не лечусь.

Колтон и не думал обижаться.

– А кто говорит, что лечитесь? Я просто предложил вместе прогуляться до дома, раз уж нам по дороге. Есть одна вещь, которой я терпеть не могу, – рассмеялся он, – это когда бывшие пациенты дуются на меня. Я стараюсь причинять им как можно меньше вреда и рассчитываю, что они сквозь пальцы смотрят на мои промахи.

Свейн хмыкнул, и Колтон продолжил:

– Ну вот, переходим на нормальный человеческий язык. Вы спросили, что мне нужно. Всего лишь пустяк. Коллеги из Института отправляют меня в Конго собирать статистику по сонной болезни. Вы ведь слышали про новое лекарство от "Байер"? Так вот, мне нужно выяснить, как оно работает в полевых условиях. И я хотел бы, чтобы вы дали мне пару советов насчет снаряжения. Что необходимо белому человеку для путешествия по джунглям? Без какого минимума никак не обойтись?

Подозрения Свейна, если они и были, рассеялись. Он стал чуть словоохотливее, хоть и говорил с ворчливой неохотой, точно собака на сене. Доктор казался совершенно удовлетворенным и больше ни разу не переводил разговор на личные темы. На Пятьдесят пятой улице он пожелал бывшему пациенту доброй ночи и свернул на запад, в сторону Вашингтон–парка.

Колтон дошел уже до середины парка, когда услышал испуганный крик, а следом – почти мгновенно – выстрел. Решив, что это ограбление, он юркнул за дерево и замер. Оружия у него не было, а потому толку от него мало. Нужно было подумать, как поступить. Больше ничего слышно не было, и он осторожно пополз к роще, откуда, как ему показалось, стреляли. Пронзительная трель полицейского свистка заставила его сорваться на бег.

Добежав до деревьев, он при мягком лунном свете увидел полицейского, склонившегося над черной тушей, бесформенной массой замершей у его ног. В этой жалкой покорности смерти существа, которому уже никогда не вкусить свободы и радости жизни, было что-то невыразимо тоскливое и трогательное.

– Мне пришлось выстрелить, – виновато произнес патрульный. – Жаль убивать бедную тварь, но я подумал, что это один из тех парковых налетчиков.

Колтон наклонился над темным, неподвижным телом.

– Сбежала из цирка или зоопарка, надо полагать, – заметил он.

– Наверное. Что это вообще такое?

– Какая-то крупная обезьяна, судя по всему. Какой великолепный экземпляр! Вы только посмотрите на мускулы на этой руке.

Двое патрульных, поспешно прибежавших со стороны авеню, прервали разговор.

– Пристрелил его? – спросил первый.

– Пришлось. Увидел эту штуку на дереве, точь-в-точь как Браун в Джексон–парке, и выстрелил, когда она не ответила на приказ. Вот господин говорит, это обезьяна.

Колтон протянул полицейскому свою визитную карточку.

– Медицинский колледж охотно заберет тушу для кафедры сравнительной анатомии. Попросите сержанта связаться с ними. Они заплатят разумную цену.

Пожелав троице доброй ночи, он продолжил свой путь домой.

Утренние газеты вышли с кричащими заголовками, с облегчением отмечая, что тайна Джексон–парка наконец раскрыта, и влюбленные могут наслаждаться лунным светом, не боясь быть задушенными. Газетчики добавляли, что городская полиция по предложению доктора Колтона передала тушу Медицинскому колледжу для вскрытия и изучения. Тело принадлежало исключительно крупной и хорошо развитой самке обезьяны. Она была убита точным выстрелом прямо в сердце.

Жалкая картина в лунном свете все еще со странной настойчивостью стояла перед мысленным взором Колтона. Что же было такого невыразимо печального в этом распростертом теле? Пытаясь забыть увиденное, он взял себя в руки и поехал в свой кабинет в Лупе. К своему облегчению, там он застал Большого Тома и Маленького Тома. Вскоре вся троица погрузилась в оживленное обсуждение.

Большой Том втайне уже решил взять годовой отпуск и поехать с Колтоном в Конго, но ради приличия хотел, чтобы его как следует поугovarивали против его официальной воли. Маленький Том, обладавший лишь неумной жадой приключений и не имевший никакого желания работать, когда можно этого не делать, требовал немедленного отплытия.

Спор был в самом разгаре, когда в дверь постучала секретарь.

– Войдите, – крикнул Колтон.

– Мистер Свейн хочет видеть вас немедленно и с глазу на глаз. Говорит, дело неотложное.

Оба Блейка поспешно вышли.

– Ты видел его лицо? – прошептал Маленький Том, едва они оказались в коридоре.

– Да, – ответил отец, бросив взгляд назад на приемную. – И надеюсь, мне больше никогда не придется увидеть такое выражение ни на одном человеческом лице. Это был сущий ад.

Свейн, спотыкаясь, переступил порог кабинета. Едва взглянув на него, Колтон поспешно запер дверь на ключ.

– Ну? – спросил он.

– Медицинский колледж не должен получить это тело.

– Почему?

– Это была моя жена.

ГЛАВА 2. БЕЗУМНЫЙ ПОРЫВ

Даже той малости, которую поведал Свейн, Колтону хватило, чтобы понять – тело необходимо уничтожить немедленно. Самый поверхностный осмотр, проведенный любым студентом–медиком, мгновенно выявил бы страшную правду: перед ними человеческий труп, а вовсе не самка человекообразной обезьяны.

Колтон быстро сообразил. Он шагнул к телефону, вызвал полицию и спросил, отправлено ли в Медицинский колледж тело обезьяны, застреленной накануне в Вашингтон–парке. Получив отрицательный ответ, он тут же пустил в ход наспех состряпанную легенду. Хозяин обезьяны, заявил доктор, только что связался с ним и сообщил все обстоятельства. Животное содержалось взаперти и под строгим надзором несколько месяцев, а вчера вечером, пока владелец читал медицинскую лекцию, сбежало. По меньшей мере два месяца бедняжка страдала от крайне опасной тропической болезни.

Пытаясь вылечить питомицу, хозяин и сам подхватил этот недуг. Отсюда очевидно, что болезнь заразна и, подобно сапу, передается от животного человеку. Владелец, утверждал Колтон, как раз сейчас сидит у него в кабинете и консультируется по поводу своего недомогания. Ввиду явной угрозы не сочтет ли полиция за благо немедленно кремировать тушу? Колтон берет на себя всю ответственность и сам уладит дела с Медицинским колледжем, где он состоит профессором кафедры тропических болезней.

На том конце провода поднялся переполох. Полицейские не знали, как поскорее проверить это неотложное дело. Колтон же вернулся к Свейну.

Несчастный был в ужасном состоянии. Вопреки слабым опиатам, которые Колтон заставил его проглотить, он продолжал вздрагивать и трястись от каждого шороха, словно терзаемый невидимым демоном. Порок жестоко мстил своему рабу. Как и все жертвы пагубных привычек, Свейн заслуживал жалости, а не порицания. Не его вина, что характер его сложился именно так; то было безнаказанное преступление давно ушедших и забытых поколений. Ему вообще не следовало являться в этот мир "скроенным кое–как" – в мир, который не знает пощады к слабым и ущербным, – и вступать в безнадежный бой за жизнь и душу против непреодолимых сил.

Как мог он, однажды зачатый, изменить неизменное и восстановить равновесие между высшими и низшими отделами мозга? Верхняя, мыслящая половина развилась у него значительно выше нормы. По уровню интеллекта Свейн легко входил в десятку процентов умнейших людей. Но в нравственном отношении он мало чем отличался от слабоумного. Буквально выражаясь, это было эмоциональное помешательство: он не имел сил выбирать между добром и злом, между разумным созиданием и идиотским саморазрушением, – и все потому, что низшие отделы его мозга имели явный физический порок еще до его рождения.

Никакая, даже самая совершенная наука не могла исправить структуру этого убогого, изувеченного мозга. До конца своих горьких дней ему суждено было спотыкаться и разбивать в кровь тело и душу о законы общества, у которого для подобных ему есть лишь одно средство – виселица или электрический стул. Рано или поздно он совершил бы тягчайшее преступление.

До сих пор его грехопадения ограничивались противоестественными, бесчеловечно извращенными играми с невыразимым. Наука еще не придумала названия для его недуга. А то, что болезнь приняла столь чудовищный оборот, явилось лишь следствием его жизни в джунглях Конго.

Окажись он в цивилизованной среде, поврежденный мозг неизбежно толкнул бы его к тем банальным, жестоким бесчинствам, которые подчас превращают всю нашу цивилизацию и науку в сущий фарс. И мрачная истина, бросающая вызов нашей самоуверенной этике и несовершенным законам, заключается в горьком факте: Свейн вовсе не был редкостью. Двое из

каждых ста человек в любом цивилизованном обществе страдают точно таким же врожденным дефектом мозга. Из этих—то двух процентов и вербуются неиссякаемая армия преступников.

Все это проносилось в мыслях Колтона, пока он пытался облегчить муки поверженного несчастного.

— К черту всю эту сентиментальность и половинчатые реформы, — бесстрастно, но веско произнес доктор, глядя на существо перед собой. — От твоей болезни, Свейн, есть одно—единственное средство. Лучшее лекарство здесь — предотвращение. Но пойдет ли когда—нибудь на это наша падкая на слезы публика? При моей жизни — точно нет.

Дребезжащий звонок телефона прервал его мысли, и он снял трубку.

— Полиция? Да, говорит доктор Колтон. Избавились от тела? Прекрасно, слишком уж это опасный экземпляр, чтобы бросать его где попало. Что? Да просто вымойте руки водой с лизолом — чайная ложка на ведро. Да, пожалуй, сожгите одежду для верности. Особой опасности нет, но береженого бог бережет. Что—что? Нет, мне это не приходило в голову. Вы правы, тут концы с концами не сходятся. Он еще здесь, я спрошу его.

Прижав ладонь к трубке, Колтон повернулся к Свейну:

— Сержант интересуется, как вы объясните происшествие в Джексон—парке. Я сказал ему, что тварь сбежала вчера впервые. Значит, в Джексон—парке видели не ту, которую застрелили ночью. У вас их было две?

— Скажите ему, что она, должно быть, выбралась без моего ведома и проскользнула обратно в квартиру еще до моего возвращения.

Это объяснение, похоже, устроило полицию.

— Он уверен, что у него нет другого такого чудовища? — настаивал сержант.

— У вас была только одна? — повторил Колтон, снова закрывая трубку рукой.

Свейн разразился жутким, мучительным смехом.

— Здесь только одна. Моя дочь умерла пять лет назад, как раз перед тем, как мы с женой покинули Конго и уехали в Америку.

— В этом вопросе он категоричен, сержант, — возобновил разговор Колтон. — Если хотите, можете обыскать его квартиру. Нет нужды? Хорошо. Весьма признателен, до свидания.

Доктор молча смотрел сверху вниз на своего смятенного пациента.

— Легче? Вколем еще немного? — Он ловко сделал укол морфия.

— Говорите, что пока не тянет? Ну ладно. Если когда—нибудь захотите излить душу — я выслушаю. И вот еще что. Вы вовсе не тот пропащий грешник, каким себяставляете. Все эти бредни о грехе — полная чушь. Вы больны, физически больны. Вам нужно лечение, а не проповеди о геенне огненной, призывающие к покаянию. Приходите завтра утром ровно в девять. Посмотрим, что можно сделать. Нате, примите две таблетки, как только придете домой, и ложитесь в постель. Они помогут уснуть.

Свейн и впрямь не был тем "пропащим грешником", каким себя считал. Память о трагической гибели дочери и еще не заживший ужас гибели жены пробудили в нем зачаточные укоры совести. То не было чувство, знакомое нормальным людям, но нечто куда более первобытное, древнее, как сама эволюция. Он не мог заставить себя мысленно воскресить образ жены во всей ее былой красе. Последние пять лет он и думать забыл о той юной девушке и веселой супруге, что без оглядки бросила все, чтобы последовать за ним. И все же почти до самого конца, задолго до того, как страшная метаморфоза, превратившая ее в нечеловеческое существо, стерла ее очарование и женскую красоту, он оставался с ней ласков.

На исходе ее болезни он уже не решался смотреть на нее. Да и она сама не искала встреч. До последнего вздоха, когда дикие инстинкты окончательно подмяли под себя угасающие остатки человеческой стыдливости, она безвылазно сидела за запертой дверью. Так и вышло, что ее тюремщик так и не узнал всей жути течения болезни, а догадывался лишь о

малой доле по стремительно менявшемуся виду руки, которая высывалась, чтобы схватить фрукты и воду, поддерживавшие в ней жизнь.

Именно память об этой руке вела его сквозь круги ада. И именно мысль о том, какой страшной была ее последняя схватка со звериной натурой, одолевшей человеческий инстинкт, пробуждала в нем раскаяние; эта натура, точно огненный бич, гнала ее прочь из тесной клетки – метаться на воле под звездами. Она, некогда столь гордая, столь чистая, в конце концов отбросила всякое приличие и устремилась к деревьям, звездам и водам, которые манили ее новым, неведомым для смертных голосом.

В конце концов она перестала быть человеком, подобно дочери, которая еще прежде лишилась человеческого облика и сгинула среди зверья. Свейн жалел ее – насколько жалость вообще была доступна его искалеченному разуму, – и теперь понимал ее по-новому. Он и сам чувствовал звериную лапу на своем плече; он знал, что не пройдет много времени, как ему придется повернуться спиной к роду людскому и поплестись вслед за низшими тварями назад, в серое, лишнее расцветов прошлое.

Оглушенный и разбитый схваткой с неумолимой природной истиной, он, спотыкаясь, вошел в спальню. Пожалуй, виной всему были лекарства, которыми его накачал Колтон, а вовсе не смутные укоры совести, но на сей раз он позабыл о своей противоестественной тяге.

С глухим стоном, полным отчаяния, он рухнул лицом в подушку, ожидая, когда пульсирующий мозг взорвется и ослепит его. Про опиат в кармане он забыл. В его сознании не осталось ничего, кроме чувства невосполнимой утраты и ясного осознания смерти.

Солнечный четырехугольник из открытого окна, с течением часов медленно ползя по комнате, сузился до тонкого копья белого пламени, дюйм за дюймом пересекая распростертое тело, и угас. Сгущавшийся пурпур неба возвещал наступление вечера, а невольник тщетной скорби все лежал неподвижно, подобно поверженной колонне. С началом сумерек он пошевелился, сел и огляделся вокруг. Раскаяние все еще держало его в тисках. Поднявшись на подкашивающихся ногах, он потопал, чтобы разогнать кровь, потянулся и стряхнул оцепенение. Он созрел для великого отречения.

Как и многие кающиеся грешники, он не задумывался о цене искупления. Лицо его озярлял лишь минутный порыв; холодное, непоправимое отчаяние от этой опрометчивой праведности нахлынет позже, когда мимолетное стремление к новой жизни растратит свой пыл. Наркоман или раб любого другого тиранического порока, сознательно и навсегда лишаящий себя возможности утолить пагубную страсть, – либо святой, либо дурак. Каяться – блаженство; меняться – сущий ад.

Какая-то безумная сила вселилась в несчастного и он одним рывком вытащил проклятый сундук из-под кровати, вскинул его на плечо и, шатаясь, направился к двери. Еще вчера он не сумел бы поднять эту бездушную тяжесть выше колен, как не сумел бы остановить рукой экспресс. Но в этот вечер он был либо одержим, либо безумен. В нем бурлила сила дюжины сумасшедших.

Очутившись на улице, он квартал за кварталом брел со своей невыносимой ношей в сторону купален. Человек в здравом уме не пронес бы такой груз и шагу. Свейн добрался до пирса, ни разу не опустив его на землю. Губы его посинели, глаза вылезали из орбит, пока он, тяжело дыша, ковылял по причалу к кассам, но он так и не сдался. Прогулочный пароход, направлявшийся к городскому доку, уже готовился к отплытию, когда Свейн шагнул на борт и дюйм за дюймом опустил сундук на палубу у самого леера.

Толпа отдыхающих разглядывала его с любопытством, но он не обращал на них внимания. Он казался одиноким – да и был таков, отрезанный от мира людей. Мысли его не имели ничего общего с их мыслями. Там, где они видели прохладные воды озера и мерцающие россыпи городских огней вдалеке, ему грезилось ленивое течение великой реки и первозданный блеск бесчисленных звезд, густо усеявших тропическое небо. Далекий парк для них был бла-

гоустроенным местом для гуляний с аллеями и кустами; для него же он оборачивался дикими дебрями непроходимых джунглей, смутными и таинственными в лунном свете.

Спустя пятнадцать минут после отплытия он стряхнул оцепенение и перешел к делу. Безумный порыв навсегда покончить с пагубной привычкой затмил разум и придал ему внезапную силу двадцати умалишенных. Прежде чем он успел осознать содеянное, сундук с громким плеском ушел на дно озера. И в тот же миг Свейн понял, какую глупость совершил. Жизнь без возможности утолить неестественную страсть, поработившую его, превратится в невыносимую пытку. Он раскаялся, но теперь, когда было слишком поздно, осознал, что окончательно проклят.

Крики пассажиров заставили офицеров и матросов сбежаться к этому месту. Что этот дикарь вышвырнул за борт? Сундук? Ну конечно, все ясно: очередное "убийство с сундуком". Мерзавца нужно скрутить и сдать полиции, как только пароход пришвартуется к городскому доку.

Свейн лишь смутно понимал, что происходит вокруг. Спасли инстинкты. В один миг он перемахнул через леер и по-обезьяньи поплыл к берегу. Капитан выхватил револьвер, выцеливая качающуюся на волнах голову, стремительно удалявшуюся в бурлящей воде. Но помедлил. Имеет ли он право стрелять? Что, в конце концов, натворил этот человек? Кто доподлинно знает, что было в сундуке? Никто! Ладно, пускай разбирается полиция. Его долг – известить их при первой возможности. Если закон нарушен, пусть власти и наводят порядок. Он убрал револьвер обратно в карман. На время Свейн оказался на свободе. Но порочная страсть плыла рядом с ним, взмах за взмахом, и звериная лапа на плече сжималась все крепче.

Той ночью Чикаго стал свидетелем одного из самых странных преступлений в своей и без того причудливой истории. В этой новой главе унылых городских хроник сквозило нечто настолько нелепое, что даже прожженные полицейские сержанты не могли сдерживать ухмылки. Подумать только: пойти на такие хлопоты ради кражи червивых фруктов на тридцать центов – да еще и бананов! Иной медвежатник тратил меньше сил, чтобы обчистить банк.

Колтон узнал об этой дикой выходке еще до того, как полуденные газеты вышли с кричащими заголовками. Блейки как раз сидели у него в кабинете, когда позвонили из полицейского участка Гайд-парка.

– Доктор Колтон? У нас тут некий Свейн, говорит, вы его знаете. Слыхали о таком?

– Кажется, припоминаю фамилию, – осторожно признал Колтон. – А что с ним?

– Он ваш пациент?

– Не вешайте трубку, я посмотрю медицинские карты.

Колтон зажал микрофон ладонью и повернулся к Большому Тому.

– Что бы ты сделал на моем месте? Свейн явно в переплете. Сказать, что знаю его, или нет? Хочу вытащить его, если получится.

– Скажи, что лечил его от нервного срыва, – посоветовал Большой Том. – Тогда любую его выходку можно будет списать на временный рецидив.

– Алло, сержант? Да, теперь я точно вспомнил Свейна. У него, вообще-то, прием был назначен на девять утра, но раз он не явился, я и забыл. Фамилия из головы вылетела. Он заходил ко мне день-два назад, жаловался на бессонницу. Типичный случай нервного истощения, я бы сказал. Да-да, все верно. Нет, сейчас я бы не стал возлагать на него ответственность за поступки. Скорее всего, у него бред – лихорадочное беспамятство, понимаете? О, разумеется, это пройдет. Все, что ему нужно, – это постельный режим и надлежащий уход. Что? Наркотики? Нет-нет, он не опиумник. Насколько мне известно, никаких препаратов он не принимал, разве что веронал от бессонницы время от времени. Может, мне лучше самому приехать и осмотреть его? Хорошо. Спасибо, сейчас буду.

– Идемте, – бросил он Блейкам. – Дипломат из меня паршивый. Надо как-то вызволять бедолагу из кутузки.

– С какой стати? – удивился Маленький Том. – Он тебе что, закадычный друг?

– Пока нет. Но прежде чем мы закончим, я надеюсь стать ему ближе, чем родной брат. Этот малый знает слишком много такого, о чем пока помалкивает.

В полицейском участке Большой Том сразу наладил дипломатические отношения, щедро раздавая сигары.

– Эти господа, если потребуется, внесут залог, – объявил Колтон.

– Чёрта с два мы его внесем, – пробормотал себе под нос Большой Том. – С чего ты это взял?

Колтон ответил лишь деликатным пинком по голени.

– Какое обвинение ему предъявлено, сержант?

– Взлом с проникновением.

– Серьезное дело, а? Ну, я не удивлен. Человек в состоянии Свейна способен на что угодно, если за ним не приглядывать. Ему бы дома лежать, в постели. Готов поспорить, у него сейчас температура под сорок. Как все произошло?

– Дело странное. Он даже не пытался скрываться. Патрульный на Пятьдесят пятой улице совершал обход вчера около десяти вечера и заметил, что железные решетки фруктовой лавки выломаны. Прутья были погнуты так, будто кто-то пытался орудовать фомкой, а стальной навесной замок валялся на тротуаре. Его сорвали исключительно физической силой.

Патрульный знал, что ценностей в лавке кот наплакал – кассу опустошают каждый день перед закрытием. Так что идти внутрь проверять ему было немного боязно. Но стоило ему переступить порог, как он услышал чавканье – быстрое, мерное, точно животное дорвалось до корма. Он врубил фонарь и увидел вашего Свейна, и как тот набивал рот бананами с такой скоростью, что любая обезьяна обзавидуется. Ну и аппетит у парня. Единственное, чем он объяснил взлом, – проголодался, мол, а время ужина давно прошло.

– Вполне естественная картина, – парировал Колтон, – для человека, перенесшего такой срыв, как Свейн. Это все?

– Не совсем. Одежда на нем была хоть выжимай.

– Вероятно, он искупался пораньше вечером, – вставил Маленький Том с видом заправского Шерлока Холмса.

– А ты башковитый малый, – с кислой, саркастической усмешкой заметил сержант. – Ты сам-то по какой части будешь?

Маленький Том так и сел.

– Да так, чепухой страдаю, – смиренно ответил он, и сержант сменил гнев на милость.

– Я так и думал, – хмыкнул тот. – Ну так что, доктор, как вы объясните мокрую одежду?

Колтон судорожно искал объяснение, которое не выдало бы Свейна с головой. На выручку пришел Большой Том.

– Ты, верно, позабыл, – обратился он к доктору, – о том, что случилось на днях? Не ты ли рассказывал мне, как застал Свейна, который середь бела дня часами не вылезал из ванны?

– Ну конечно! Человек в таком жару, как Свейн, вполне мог сигануть в озеро прямо в одежде.

– Именно так он и сделал, – согласился сержант, явно впечатленный проницательностью Колтона. Он даже сделал мысленную зарубку – обратиться к этому доктору, когда в следующий раз переберет с виски и содовой. С доверчивой откровенностью сержант пересказал историю о чуде, который выбросил за борт сундук, прежде чем попытался дойти до берега пешком.

– Что до взлома, – подытожил он, – то он вызвался оплатить и бананы, и сломанные решетки. Но хоть убейте, не пойму, как можно выломать железные прутья и разворотить стальной замок голыми руками.

– Обычный прилив сил при высокой лихорадке, – небрежно пояснил Колтон. – Думаю, мы можем забрать его домой?

– Конечно. Парень явно болен. Мне просто нужно было связаться с кем-то из близких.

– У моих друзей для него уже готова комната, – объявил Колтон, махнув рукой в сторону Блейков. – Они проследят, чтобы он не выходил до полного выздоровления.

– Кто напел тебе эту чушь? – замогильным шепотом спросил Большой Том, но сержант, к счастью, не услышал. В этот момент он как раз ушел за Свейном.

– Ну вот и ваши друзья, – сказал он, возвращаясь с арестантом. – Это ваш доктор?

Свейн, дрожа как загнанная лошадь, открыл было рот, чтобы ответить. И тут произошло нечто из ряда вон выходящее. Он словно потерял власть над собственным телом. Ноги и туловище отказали ему; он обмяк и внезапно рухнул на пол на четвереньки. Затем, скуля по-собачьи, он сделал три-четыре неуклюжих шага вразвалочку по направлению к Колтону, нелепо переставляя руки и опираясь костяшками пальцев о каменные плиты.

Четверо свидетелей замерли в жалости и ужасе. Для сержанта и Блейков это было лишь проявлением того, до какого непотребства может дойти человек, временно лишившийся рассудка от болезни. Но для Колтона, видевшего жену Свейна до того, как остыло ее тело, трагедия имела куда более глубокий, зловещий смысл.

– Да уж, парень и впрямь плох, – заметил сержант.

– Он в еще худшем состоянии, чем я думал, – признал доктор. Он резко окликнул Свейна: – Встань прямо! Идем домой. Я позабочусь о тебе.

С выражением изумления Свейн кое-как принял человеческий облик и безропотно, словно пьяный, побрел за доктором вон из участка.

Бельгийский почтовый пароход "Виль-де-Льеж" из Антверпена резво шел вдоль унылого Западного побережья Африки по направлению к Матади – воротам в бескрайний бассейн Конго с его реками и непроходимыми лесами, сонной болезнью и оспой, заброшенными туземными деревнями, опустевшими торговыми факториями и непреодолимым зовом, который эта земля обращает к каждому, кто хоть раз побывал в ее пленительных, зачумленных дебрях. Говорят – и, пожалуй, не без оснований, – что изгнание в Конго порождает своего рода возвратную лихорадку: всякий, кто однажды заразился его порочным очарованием, начинает неперестанно жаждать новых мучений.

Из всей компании, стоявшей на баке и разглядывавшей однообразную линию берега, лишь один человек по-настоящему отвечал на этот Зов. Свейн умолял Колтона взять его с собой в исследовательскую поездку, твердя, что после смерти жены жизнь где бы то ни было, кроме сырых лесов Конго, стала для него невыносимой пыткой. Он убеждал, что будет незаменимым проводником и помощником, ведь в бытность свою врачом-миссионером он посвятил немало времени изучению сонной болезни. Колтон не принял эти благовидные доводы за чистую монету. Прекрасно понимая, что пациент скрывает истинные мотивы, доктор придержал подозрения при себе и принял предложение. Бывший миссионер брался сам оплачивать свои расходы, за исключением тех дней, когда будет служить проводником. Во время перехода из Антверпена Колтон следил за неуравновешенным инвалидом так пристально, как только осмеливался, ибо душевное состояние Свейна все еще внушало серьезные опасения.

Наблюдая за эксцентричным поведением этого человека, Колтон все больше укреплялся в мысли, что главной целью экспедиции станет вовсе не сонная болезнь, а недуг самого Свейна. Работа, за которую ему платили, была чистой рутинной и она требовала не так много времени. Зато загадка расстройства Свейна могла стать настоящим испытанием для его изобретательности. Перед ним был вызов для науки, живой ребус для исследователя. Доктор поклялся либо решить эту задачу, либо оставить свои кости в этих лесах. В итоге он едва не исполнил оба обещания.

Большого Тома в конце концов удалось уломать, сыграв на том, что его сыну необходима перемена обстановки. На самом деле Маленький Том ни в каких переменах не нуждался –

разве что ему стоило поменьше кутить и побольше работать, – но свалить траты на дорогостоящий отпуск на сына было куда проще, чем признаться в собственной прихоти. Поэтому Большой Том с радостью пошел по пути наименьшего сопротивления, спасая репутацию за спиной отпрыска. В качестве подачи от своей деградировавшей совести он притащил с собой полтонны дорожной аппаратуры. С этими игрушками он возился по вечерам, делая вид, будто совершает важные открытия в области рентгеноструктурного анализа кристаллов. Он никого не обманывал, даже себя. Колтон смотрел на эти полтонны лишнего багажа с крайним неудовольствием.

– И кто, по–твоему, будет таскать это барахло через болота и джунгли? – раздраженно вопрошал он по двадцать раз на день.

– Бог весть, – благочестиво отвечал Большой Том, – я–то уж точно не стану.

– Зачем тогда взял?

– А чем нам заниматься по вечерам?

– Спать, – со зловещим намеком подсказал Маленький Том.

Это усыпляющее слово неизменно обращало Большого Тома в бегство. При малейшем намеке на что–то, связанное с сонной болезнью, он становился мрачным и неразговорчивым. В его окованном латунию дорожном сундуке таился личный неприкосновенный запас "Байера–205", достаточный для исцеления целого округа. Касторовое масло было бы куда более практичным багажом. Уныло вздохнув, он покидал веселую компанию и проскальзывал в каюту. Оказавшись там, он отпирал сундук и проверял, цело ли его сокровище. Зная он о такой же одержимости Свейна, он отнесся бы к нему с полным сочувствием.

Пока же Большой Том питал искреннюю неприязнь к несчастному бывшему миссионеру. Поначалу он пытался вести себя прилично, но назойливые, скучные вопросы Свейна на всевозможные научные темы в конце концов довели многострадального Большого Тома до откровенной грубости.

– Какое, к черту, тебе до этого дело? – не раз огрызался он, когда Свейн, являвший собой живое воплощение нервного расстройства, крутился возле сложной аппаратуры, задавая вопросы, кусая ногти или расчесывая себе лицо. – Что у тебя на уме? Не видишь, я занят? Иди докучай Колтону – или Маленькому Тому. Это они меня сюда втянули.

– Но как же... – упорствовал измученный бедолага, но раздраженный экспериментатор тут же обрывал его на полуслове.

Естественно, любви между ними не прибавилось. Большой Том смотрел на "опиушника" – как он ошибочно окрестил Свейна – как на несусветную обузу с мозгами комара. Не будь Свейн ученым с некогда нормально работающей головой, Большой Том с радостью вышвырнул бы это странное, похожее на обезьяну ничтожество за борт на съедение акулам или рыбе–луне – да и любой другой твари, что зачищает эти мутные воды.

Свейн, со своей стороны, хуже разбирался в собственных чувствах. Пожалуй, если бы он попытался облечь свои ощущения в слова, он бы выразил яростное желание глубоко вонзить клыки в плоть мускулистой правой руки Большого Тома. Но он зашел уже так далеко по тропе, ведущей в прошлое, и так стремительно катился в серый мир первобытных теней, что больше не пытался искать логику в своих эмоциях. Для него, как для некоторых художников и большинства животных, сам предмет и отношение к нему сливались воедино. Он уже утратил одну из главных способностей, отличающих человека от зверя: он больше не мог мыслить абстрактно.

Очень жаль, что Свейн так и не научился рисовать или писать красками; для писательства же он был слишком слаб. Из–за этого пробела в образовании Свейна мир сегодня стал беднее на тот абсолютный шедевр искусства, к которому человечество стремилось со времен последнего ледникового периода и к которому будет тщетно стремиться еще долгие века.

Свейн целиком состоял из чувств, эмоций, восприимчивости – называйте это как угодно, – но был совершенно лишен интеллекта и даже здравого смысла. Картина, которую он мог бы написать, была бы чистой эмоцией – чистой как алмаз, мутной как сточная канава, непорочной как лед, незаконной как огонь, мистической, понятной в высшем смысле своего абсолютного безумия, саморазоблачительной и противоречивой. Она была бы всем этим сразу, ибо в ней не нашлось бы ни единой споры той плесени, которая губит любое искусство, даже самое высокое, – рассудочности. Картина, которую мог бы написать Свейн, вечно будет висеть на лазурных стенах четвертого измерения. Другого Свейна уже не будет; Большой Том и его бесчувственные спутники заперли дверь в эту мистическую галерею высшей вселенной и забросили ключ туда, где никто и никогда не догадается его искать.

Но если Большой Том получал от поездки меньше удовольствия, чем мог бы, то непрекращающийся пикник Маленького Тома с лихвой это компенсировал. Спустя две минуты после того, как почтовый пароход отошел от причала в Антверпене, младший Блейк открыл для себя золотую жилу удовольствия. Золотыми, впрочем, были только ее волосы, а все остальное – от аккуратных туфель до волевого подбородка, слегка спорящего с пикантным носиком, – бросало вызов всему человечеству. Маленький Том вызов принял. Вскоре он обнаружил, что Ли́ла Мередит вовсе не была обычной фотогеничной красоткой, но оказалась смешной, серьезной девицей, которая воспринимала жизнь и саму себя крайне серьезно – за исключением тех моментов, когда чувство юмора брало верх над вселенной и, заодно, над ней самой.

Когда Большой Том впервые наткнулся на них где-то через пятнадцать минут после отплытия из Антверпена, его многообещающий сынок сидел с красавицей за вентиляционной трубой и разглагольствовал о благородстве профессии учителя. Познакомившись с дамой, старший Блейк ловко перехватил инициативу в свои более опытные руки. Это была поистине очаровательная спутница для прогулок по палубе. Мнение Тома-старшего о вкусе сына заметно выросло. Однако для Маленького Тома эта девушка не подходила: очевидно, что молодая особа с такими выдающимися талантами предпочтет общество более зрелого и искушенного мужчины – его самого, например. За полчаса он выведал всю историю ее жизни, пока Маленький Том с загадочной ухмылкой сидел молча, впитывал информацию и ждал своего часа.

Ли́ла Мередит гордилась своими достижениями и не собиралась этого скрывать. Она окончила факультет английской филологии в каком-то жутком колледже на Среднем Западе в феноменальном возрасте восемнадцати лет и тут же взвалила на себя "бремя белого человека" в Кантоне – том, что в Китае, а не в Огайо. Там она четыре года преподавала в местном колледже, тщетно сражаясь за то, чтобы триста китайских юношей произносили *rice* (рис), когда имели в виду рис, а не *lice* (вши). На этом моменте ее рассказа Маленький Том проделал в уме молниеносный расчет и отметил, что восемнадцать и четыре дают двадцать два. При этом выглядела она не старше семнадцати. Будучи девушкой необычайно умной, после четырех лет борьбы она поняла, что разбита. Все буквы "л" в китайском языке были намертво испорчены дьяволом вскоре после Всемирного потопа. Сделав это выдающееся открытие, она оставила триста китайцев и дальше взывать к паразитам и вернулась на свой любимый Средний Запад.

Уезжая, она обожала родину. Даже в Китае она продолжала боготворить свой родной город. Но когда она увидела его вблизи, а не сквозь сентиментальную дымку толщиной в несколько тысяч миль, ей захотелось зажмуриться. Не успела пройти первая неделя, как она поняла, что рождена для бродяжничества.

После Китая следующим шагом, разумеется, была Индия. Столько американских девушек работают в индийских миссиях, пытаются расшевелить тамошних сестер, которые больше всего на свете любят спать, что Ли́ла сочла пустяком заполучить одно из этих заманчивых, романтических мест. Это и впрямь оказалось пустяком. Место досталось другой девушке. Кон-

курентка Лилы имела преимущество в виде двухлетнего опыта пребывания в Японии – вполне приличного – в дополнение к стандартным четырем годам в Кантоне.

Но Лила Мередит, вкусив крови, жаждала настоящей бойни. Она повидала один уголок планеты, теперь ей хотелось увидеть ее целиком. И удача улыбнулась ей. В тот самый жуткий колледж на Среднем Западе пришел отчаянный призыв из Конго. "Пришлите нам молодую женщину, – взывали объединенные голоса преподобного Джонаса Симпкинса и его благоверной, – пришлите нам молодую женщину для помощи в нашей миссии среди язычников. Пусть она смыслит в правильном употреблении ситца, ибо эти выродившиеся сыны и дочери Хама носят брюки вместо шляп, а нижние юбки используют как кашне". Разумеется, Симпкинсы писали не совсем так, но это точный, хоть и свободный перевод на обиходный язык.

Так и случилось, что Лила, свежая как маргаритка и зеленая как трава, отправлялась в какую-то богом забытую глушь в лесах Конго, чтобы обучить пару деревень чернокожих традиционному использованию хлопчатобумажных тканей. Правда, она ехала не совсем без защиты. Но что может сделать один белый мужчина, которому профессия запрещает носить огнестрельное оружие, против целого полка нераскаявшихся дикарей, умеющих варить весьма крепкое пиво?

Маленький Том был потрясен, но прикусил язык. Большой Том, пользуясь привилегиями зрелого возраста, высказал то, что было на уме:

– Но, дитя мое, – увещевал он, – ты имеешь хоть каплю представления, куда ввязываешься? Того, кто отправил тебя в этот идиотский путь, надо линчевать. Но оставим это. Ты подумала о сонной болезни? Ты...

– Лучше бы тебе присмотреть за своим драгоценным хламом, – прервал его Маленький Том с торжествующей ухмылкой. – Я только что видел, как Свейн прокрался в твою каюту.

Большой Том удалился без лишних слов.

– У Большого Тома пунктик на сонной болезни, – пояснил Маленький Том. – Не обращай внимания на его слова.

– И не подумаю, – пообещала она с выражением полного доверия. "А девчонка умеет флиртовать", – подумал Том-младший, и это открытие наполнило его душу блаженным покоем. Успех путешествия был обеспечен.

Незванный визит Свейна в каюту Большого Тома довел вражду между ними до точки кипения. Подойдя к двери и заглянув внутрь, Большой Том увидел, как больной неуклюже пытается запустить рентгеновскую трубку. Несколько секунд хозяин молча наблюдал, как Свейн, не подозревая, что за ним следят, нелепо возится и копается в аппаратуре. Большой Том быстро исчерпал запас терпения.

– Обезьяна видит – обезьяна делает, – заметил он с мрачным юмором.

Свейн оглянулся через плечо и оскалился. На мгновение его лицо приняло выражение сбежавшей обезьяны, пойманной за разграблением хозяйского буфета. Большой Том настиг его в два шага. С визгом, похожим на проклятие, Свейн бросился к противоположной двери. Его неловкая рука едва успела повернуть ручку, как пинок Большого Тома помог ему вылететь на палубу, где он и растянулся. Свейн вскочил, обезумев от ярости. Губы обнажили крепкие белые зубы, мощное тело легко балансировало на мускулистых ногах, пружиня для прыжка в сторону плотки Блейка. Большой Том смотрел как замороженный. Он был слишком ошарашен, чтобы защищаться. Человек перед ним был на девять десятых животным.

Окрик Колтона спас положение. Доктор заметил финал потасовки из своего убежища за вентилятором. Словно пес, кидающийся к ноге при звуке хозяйского голоса, Свейн мгновенно превратился обратно в человека. На его лице промелькнуло то же выражение изумленного удивления, что и тогда, когда он в последний миг удержался от нападения на торговца фруктами. С отчаянным стоном несчастный повернулся и быстро пошел к корме, в свою каюту.

Он не появлялся три дня. Еду – непомерные порции свежих фруктов – раз в день ему приносил недоумевающий палубный стюард.

Когда на четвертый день он вышел подышать свежим воздухом, друзья проигнорировали инцидент и обошлись с ним как с обычным человеком. Если не считать навязчивых, раздражающих Большого Тома расспросов на всевозможные научные темы и редких приступов сильной дрожи, вел он себя вполне сносно. Колтон наблюдал за ним непрерывно. Он начинал понимать суть болезни. Чуть больше откровенности со стороны Свейна – и доктор получил бы ключ к разгадке, которую ему еще предстояло искать долгими месяцами отчаянных приключений.

Завтра они придут в Матади, и начнется путешествие в глубь страны.

– Ваш друг болен? – спросила Лила у доктора. Это был первый раз, когда она задала кому-либо из них личный вопрос об их эксцентричном спутнике.

– Да, – ответил Колтон, – он довольно медленно восстанавливается после тяжелого нервного срыва.

Лила промолчала, но задумчиво посмотрела на дверь каюты Свейна. Тот как раз оставил компанию, расположившуюся у леера, чтобы заняться своими делами.

– Как вы думаете, он поправится? – спросила она.

– Нет, – решительно отрезал Колтон. – Вы скоро покинете нас, так что я могу быть откровенен. Бедный Свейн ведет безнадежную борьбу. Все карты против него. Здесь, в Конго, он потерял дочь, а в Чикаго – жену. Он никогда не станет прежним. Потрясение от смерти жены окончательно его подкосило.

– Ты никогда не говорил нам об этом, – заметил Большой Том. – Почему держал нас в неведении? Бедный дьявол, теперь я смотрю на происходящее с ним совсем иначе.

– Я не говорил вам, – объяснил Колтон, – потому что обстоятельства были слишком ужасающими. Они могли помутить любой рассудок, не говоря уже о Свейне, чей ум и без того пошатнулся после трагической гибели дочери в Конго. Когда-нибудь я расскажу вам то, что знаю, но не сейчас. От этого не будет проку.

– Он начал донимать нас вопросами, – продолжил Большой Том, – еще до того, как мы покинули Чикаго. Шипение рентгеновского аппарата неизменно служило для него сигналом явиться – он вваливался, покачиваясь, словно пьяный. Мы позволяли ему стоять рядом и смотреть, пока он вел себя тихо, но стоило ему начать расспросы, как нам приходилось выставлять его вон. Невозможно измерить дифракционную картину кристалла, когда под руку лезет зануда с вопросами, не разрушают ли рентгеновские лучи клетки мозга.

– Да, – согласился Колтон, – ко мне он тоже приставал. Эта лекция Пейджета об искусственном выращивании тканей, похоже, завела его мысли в какие-то странные дебри. Его голова забита обрывками научных теорий, нахватанных из университетских учебников и пространственных ужасиков. Он почему-то вбил себе в голову, что "лучи" – рентгеновские, альфа-лучи или какой-то еще мистический их вид, пока не открытый наукой, – способны изменить скорость роста человеческого тела.

В его бреднях есть своя сумасшедшая логика. К примеру, он заставляет меня признать, что железы внутренней секреции управляют ростом, интеллектом и, возможно, полом. Затем он указывает на то, что повреждение или болезнь некоторых других желез могут полностью изменить облик человека, превратив его из мужчины в волосатое цирковое чудище. Следующим шагом он приплетает вашу сенсационную физику. Разве это не правда, спрашивает он, что бомбардировка альфа-частицами разрушила так называемые атомы тринадцати самых распространенных химических элементов – кислорода и так далее? Разумеется, я не могу отрицать общепризнанный факт. Оказавшись в ловушке, я бессилён защитить себя от этой тщательно подготовленной дубины Свейна.

Сложи два и два, говорит он, и ты увидишь: если облучить человеческий мозг и другие нервные центры правильными "лучами", станет возможно разложить – или трансмутировать, если угодно – химические элементы, из которых состоят мозг и нервы, в новые элементы. Возьми, к примеру, железо, говорит он, или фосфор. И то и другое – обычное дело в человеческом теле. Но представь, что эти элементы распадутся внутри организма на натрий, фтор, йод или гелий. Распад не обязательно должен быть полным. Достаточно лишь малой доле железа или чего-то еще превратиться, скажем, в гелий, чтобы радикально и бесповоротно изменить всю химию тела.

И, продолжает он, как полный логики безумец, раз химия тела нарушена, то и секреция желез внутренней секреции – а это сложнейшие химические вещества, находящиеся в прекраснейшем, тончайшем балансе – пойдет вразнос, порождая дюжину новых, невиданных аномалий. Тут наш лунатик готов к своему главному выводу. Поскольку жидкости, выделяемые железами, во многом определяют человека, его тело и разум, и поскольку мы глубоко изменили химическую природу этих жидкостей, из этого неизбежно следует, что сам человек превратится во что-то нечеловеческое. И все это "перерождение в нечто новое и дивное", как выразился бы Шекспир, станет прямым результатом облучения мозга и нервов правильным типом лучей.

Это столь же безумная теория, сколь и логичное переплетение чепухи, какую только мог соткать сумасшедший в дурдоме для опустившихся философов.

– Знаете, что мне это напоминает? – спросил Маленький Том с лукавой невинностью.

– Что? – спросил простодушный Колтон.

– Лекцию сэра Эмброуза Пейджета. И вообще, – продолжил он с покровительственным взмахом руки, – медицина все еще находится в младенческом возрасте. Она стала наукой только благодаря трудам Пастера. А из этого следует, как вечно твердит Свейн, что едва кто-то из вас, медиков, пытается выдать теорию, он запутывается, точно кошка в корзине с вязанием. Будучи в младенчестве, медицина обречена плодить младенческие теории. Она не может...

Но договорить он не успел. Колтон погнал его вокруг палубы и в конце концов загнал на нижние ярусы. Оставшись наедине с оспариваемой "персиком", Большой Том стал весьма нежен.

– Значит, вы ничего не знаете об этих Симпкинсах, к которым направляетесь?

Лиля подтвердила его подозрения.

– Это просто миссионеры, которые последние пятнадцать лет провели в Африке. В районе Конго они, кажется, чуть больше полугода. Так что, естественно, поначалу им там все кажется непривычным и трудным. Вот почему им нужна моя помощь. Там, где они служили прежде – в Уганде, – все прекрасно, там практически нормальная цивилизация.

– Тогда какого черта эти дураки оттуда уехали? – спросил Большой Том.

Лиля одарила его укоризненным взглядом, в котором, однако, сквозило восхищение.

– Потому что их призывали на новое, более трудное поприще.

– Призывали? Хотите сказать, вышвырнули. Послушай, Лиля. Мне вся эта затея совершенно не нравится. Будь ты красноносой дурнушкой с мышинными волосами и прыщами, я бы сказал: "Ступай в леса Конго, обращай чернокожих, и бог с тобой". Я бы даже посоветовал тебе подхватить сонную болезнь, прежде чем просить отпуск для посещения твоей дыры на Среднем Западе после пяти лет верной службы на болотах. Но давай на чистоту, Лиля.

– Да? – мягко подбодрила она.

– Вот что. Ты слишком славная девушка и слишком хороша собой, чтобы расточать свое благоухание в пустыне.

– Но я еду не в пустыню, Большой Том, – с простотой возразила она.

– Черт подери! Ты прекрасно понимаешь, о чем я, – выпалил он. – Какая разница, если я путаю метафоры, пытаюсь это высказать? Тебе нужно замуж.

– Правда? Зачем?

– Да к черту все, откуда мне знать, если ты сама не знаешь!

– Мистер Блейк!

– Прошу прощения, Лила. Староват я, наверное. Но тем не менее, мои слова остаются в силе. Тебе нужно замуж.

– Вам никогда не приходило в голову, что девушка может чувствовать свой долг перед миром?

– Долг? Учить дикарей, которые знать не знают никакого алфавита и знать не хотят, а если бы и знали, он бы им и даром не дался? Ба! Твоя "миссия", если таковая вообще есть, – радоваться жизни самой и помогать кому-то разделять твое веселье.

– Я не гедонистка, мистер Блейк, – сухо отрезала она.

– Господи помилуй, это еще что такое? Звучит жутковато. Это как-то связано с футуризмом?

Она не выдержала и рассмеялась. Лила поняла, что Большой Том просто пытается развить в ней чувство юмора и меры.

– Но если честно, – сказала она, – я действительно чувствую, что способна помочь этим людям. И почему бы мне этого не сделать?

– Ты правда хочешь, чтобы я тебе ответил, как есть? Ну хорошо, я отвечу. Мой друг Колтон кое-чему обучил меня из современной психологии. Это чертовски интересно и здорово помогает мне понимать людей, которых я встречаю. Есть одна очень распространенная человеческая черта – не стану называть ее пороком, – которую психологи окрестили "замещением". Процесс очень простой. Когда мы хотим сделать что-то, чего немного стыдимся, считая это низким, эгоистичным или недостойным, мы начинаем судорожно искать благопристойную маскировку для своих истинных мотивов. Настоящий мотив – низкий, эгоистичный стимул наших поступков – выводится на свет в строгих черных одеждах, которые обманывают даже нас самих относительно того, что скрывается под ними. Как говорится, мы подменяем истинный мотив фальшивым, чтобы сохранить иллюзию самоуважения.

Приведу пример из собственной жизни. Когда я был молодым парнем и только начинал путь в науке, как сейчас Маленький Том, я уверял себя, будто углубляюсь в научные исследования потому, что это единственный верный способ облагодетельствовать человечество теми крохами ума, что у меня есть. Но наука быстро приучает смотреть на вещи хладнокровно, и вскоре я осознал, что истинной причиной моих изысканий было личное удовольствие, которое я получал от работы. И я признался – разумеется, только самому себе, ведь не стоит крушить общественные идолы на рыночной площади, – что буду продолжать корпеть над исследованиями ровно до тех пор, пока получаю от этого кайф, независимо от того, продвинется ли человечество хоть на грош.

Поначалу это была шокирующая мысль. Мое тщеславие пострадало. Куда приятнее было думать – и надуваться от гордости, точно голубь-дутьш, – что я приношу свою жизнь в жертву на благо рода человеческого, пока другие, более эгоистичные люди наживаются состояниями и веселятся. Но когда я привык к правде, она понравилась мне куда больше прежней фальши. Я думал: какими же дураками были те парни, лишавшие себя всего того веселья, которое доставалось мне!

Это что касается меня. Теперь о тебе. Ты жаждешь приключений и до боли хочешь повидать мир. Но ты не можешь признаться в столь низменной тяге к острым ощущениям и при этом сохранить самоуважение. Вот ты и подменяешь истинный двигатель своей жизни фальшивым желанием помочь язычникам. На самом деле ты была бы вдвое счастливее, найдись у тебя смелость взглянуть в лицо нелестной правде и увидеть себя настоящую. Поначалу будет больно. Но в конечном счете абсолютная честность с самой собой удвоит твое удовольствие от жизни. Со временем ты, глядишь, станешь отличной гедонисткой.

– Но я не хочу! – возразила она, едва не плача.

– О нет, хочешь, моя дорогая. Мы все этого хотим, как бы мы это ни называли. Мученик, проводящий жизнь привязанным к рабочей стороне железной бороны, ничуть не меньший гедонист, чем повеса, спускающий десяток миллионов на роскошную жизнь. Мученик черпает удовольствие из мыслей о том, как он несчастен и каким несчастным считает его глазевшая толпа, в то время как франт кайфует от того, что делает счастливыми всех девчонок. Просто подумай об этом.

– Я подумаю, – пристыженно пообещала она. – Но даже если все сказанное вами – правда, как мне прикажете повидать мир? У меня нет ни гроша, кроме того, что я зарабатываю.

Большой Том разразился громовым хохотом.

– Тебе не нужно думать. Ты только что во всем призналась. Ну разве тебе не стало легче?

– По–моему, вы невыносимы, – надулась она.

– Жаль, что я не могу сказать то же самое о тебе, – вздохнул он.

– Не лучше ли вам пойти проверить, чем заняты Маленький Том и доктор? Я видела, как пару минут назад они заходили в вашу каюту, пока вы, – ехидно добавила она, – читали мне лекцию. А мистера Свейна весь день не было видно.

Блейк поспешно поднялся и поспешил к своей каюте. Внутри он обнаружил Маленького Тома и Колтона, которые допрашивали Свейна.

– Что именно вы пытались сделать? – допытывался Колтон.

Свейн упорно молчал. Взгляд его был отупевшим и затуманенным, словно он был мертвецки пьян.

– Бесплезно его расспрашивать, – заметил Маленький Том. – Он пьян в стельку. Выставьте его на воздух, пусть проветрится.

Колтон объяснил, что произошло. Услышав шипящий треск рентгеновской трубки, они зашли в каюту Блейка и обнаружили Свейна. Аппарат работал на полную мощность, а сам больной сидел согнувшись, подставив голову прямо под трубку так, чтобы сфокусированный пучок лучей бил ему в затылок, в самое основание черепа.

– Он сумасшедший, – презрительно бросил Большой Том. – Из него выйдет чертовски ненадежный проводник. Почему бы тебе не бросить его в Матади?

– Потому что, – медленно ответил Колтон, – его случай интересует меня ничуть не меньше, чем тебя – сонная болезнь, Большой Том. Я тут почти решил, – продолжил он, – предоставить сбор статистики тебе, а самому заняться самым лакомым кусочком. Загадка Свейна уникальна.

– Это очевидно, – сухо вставил Большой Том. – Ему место в цирке, рядом с Джо–Джо и другими мальчиками с песьими мордами. Чем ближе мы к Конго, тем сильнее он смахивает на обезьяну. Уму непостижимо, что этот человек когда–то был образованным врачом.

– Я не удивлюсь, если однажды выяснится, что по образованию он был физиком, – огрызнулся Колтон. Он относился к своей профессии со всей серьезностью и не терпел никаких выпадов в ее адрес.

На следующее утро они проснулись, когда почтовый пароход пришвартовался в Матади. Они не задерживались долго в этом маленьком порту с белыми складами и зелеными холмами, прятавшими реку в своих складках. К полудню они уже ехали на поезде мимо бесконечных порогов в Леопольдвиль, где и должна была начаться работа Колтона. Лила сопровождала их, ведь именно в Леопольдвиле ей предстояло встретиться с Симпкинсами. Оттуда ее должны были увезти в самую чащу леса, за милю отсюда, на заброшенные прогалины, где белый человек вызывал едва ли меньшее любопытство, чем его ситец.

ГЛАВА 3. ЕГО НАРОД

В Леопольдвиле путешественники столкнулись с непредвиденной задержкой. Трое мужчин, разумеется, вызвались лично передать Лилу в руки ее новых друзей и отправились вместе с ней в контору начальника станции, рассчитывая застать там Симпкинсов. Начальника заранее уведомили о целях визита Колтона в Конго и приказали оказывать доктору всяческое содействие с припасами, "боями" – туземными слугами – и транспортом. Но вот о прибытии мисс Мередит его никто не предупреждал. Поэтому, когда Колтон представил девушку, чиновник выглядел несколько растерянным.

– Ваша секретарша? – осведомился он.

Колтон объяснил ситуацию. Выражение вежливого интереса на лице начальника сменилось болезненной озабоченностью, едва зашла речь о Симпкинсах.

– Прошу прощения, я на минуту, – сказал он, бросив многозначительный взгляд на Колтона, – мне нужно свериться с записями, чтобы найти точный адрес ваших друзей, мисс Мередит.

Колтон обо всем догадался, как и Большой Том. Пока начальник отсутствовал, они изо всех сил старались подготовить девушку к тому, что, как они знали, должно было произойти. Начальник именно этого и ожидал от Колтона.

– Лила, ты ведь сама не в восторге от этой затеи, верно? – спросил Колтон. – Почему бы не передумать, пока не поздно, и не вернуться в Штаты? Найдешь приличную работу в цивилизованной стране. Здесь и смотреть – то не на что. Ты же видела, какая монотонная была дорога на поезде. Просто грязная река и дымящийся лес – вот и все Конго.

– Да и туземцы, – поддержал Большой Том, – не самые приятные собеседники.

– В чем дело? – встревожилась она. – Зачем вы пытаетесь меня запугать?

Объяснить они не успели. Как раз в этот момент вернулся начальник станции с очень серьезным видом.

– Вы не получили телеграмму, которую вам отправило руководство миссии? – начал он.

– Нет. А когда ее отправили?

– Четыре недели назад, как раз вчера исполнился месяц.

– Я уехала из дома пять недель назад.

– Миссия, без сомнения, оплатит вам обратный билет, мисс Мередит, – поспешно продолжил он. – Мне очень жаль говорить вам это, но в ваших услугах больше не нуждаются.

– Но почему?

– В телеграмме все объяснялось, – туманно ответил он. – Симпкинсы были вашими родственниками или, может, друзьями?

– Я в жизни о них не слыхала, пока не получила предложение занять это место.

– Тогда я могу рассказать вам все, – произнес он. – Мистер и миссис Симпкинс четыре недели назад чувствовали себя так скверно, что посчитали, будто вам лучше не приезжать. Десять дней назад они скончались.

– Сонная болезнь? – спросил Большой Том.

Начальник кивнул.

– Они находились в одном из самых неблагополучных округов. Мисс Мередит, не хотите ли вы сесть на ближайший поезд обратно до Матади? Я могу послать телеграмму, чтобы для вас забронировали каюту на пароходе. Насчет денег не беспокойтесь, я улажу это с миссией.

– Все это так неожиданно, – тихо проговорила она. – Дайте мне несколько минут подумать.

Она отошла в угол комнаты и молча села, а мужчины старались вести себя как ни в чем не бывало. Вскоре начальник отозвал Колтона в сторону.

– Ваш друг Свейн, – прошептал он, – старожил в этих краях. Вы что-нибудь знаете о нем?
– Немного, – осторожно признался доктор. – А вы?
– Много, – ответил начальник со странным смешком. – Он из вашей компании?
– Неофициально. Я нанял его проводником. Говорит, что знает эту местность от А до Я.
– Так и есть. Знаете что, ускользните от него сегодня вечером и приходите ко мне на обед. Остальные, разумеется, тоже приглашены, но для Свейна я делаю исключение.
– Это выглядит довольно таки по-свински, – заартачился доктор. – Свейн – мой пациент.
– Он также и ваш проводник, – многозначительно добавил начальник. – Лучше примите приглашение.

– Спасибо, приду. Что ж, мисс Мередит, похоже, приняла решение. И каково оно, Лила?
– Я не вернусь.
– Нет? И что же вы собираетесь делать? Пейзажами сыт не будешь.
– Я могла бы открыть школу для белых детей, – медленно начала она, – но не стану. С меня довольно учительства. Эти пять минут размышлений дали мне больше, чем любые пять лет, прожитые на земле.

– Значит, ты поняла, что не любишь учить? – одобительно заметил Большой Том. – Я понял это, едва тебя увидел. И все же, как и Колтону, мне любопытно, на что ты собираешься жить. Почему бы не выйти замуж?

– Ну, для начала, потому что меня никто не звал, – ответила она. – Нет, я буду секретаршей.

– У кого? – поинтересовался Маленький Том.

– У доктора Колтона. Я смогу привести в порядок его отчеты и статистику. Я быстро считаю и неплохо стенографирую.

– Ну и наглость... – начал было Колтон, но она быстро его прервала.

– Пожалуйста, подумайте, – взмолилась она. – Я просто не могу вернуться в этот ужасный городок. Меня же все засмеют. Я согласна работать за десять долларов в месяц и стол.

– Но мы отправляемся в самые глухие места – в леса, болота и джунгли, куда ни одна белая женщина, да и мало кто из белых мужчин вообще ступал. Меня даже совесть мучает, что я тащу за собой Блейков, а они мои старые друзья, к тому же, сильные, выносливые мужчины.

– Сдаюсь. Мне и впрямь кто-то нужен, – сказал Колтон после некоторого размышления, – поскольку я полнейший профан в пишущих машинках.

Лила поблагодарила его взглядом. Маленький Том пожалел о том, что ему не требуется секретарша. Его отец, умудренный жизненным опытом, тут же ухватился за возможность.

– Я накину еще десятку в месяц, если ты будешь содержать мои научные приборы в чистоте и порядке. Они легко покроются грязью в этих сырых лесах, не говоря уже о здешней мутной реке.

Лила не успела поблагодарить его, так как Колтон разразился возмущенной репликой:

– Ты хочешь сказать, что действительно собираешься тащить все это барахло через джунгли? Мне казалось, мы еще неделю назад отговорили тебя от этой затеи!

– Я оставляю его здесь, если ты предложишь более увлекательный способ убить время в деревнях, пока ты будешь подсчитывать трупы. Не можешь? Ну тогда мое снаряжение едет со мной. Вот и все.

В тот же вечер Колтон обедал с начальником станции наедине. Свейн исчез еще в полдень, отправившись "повидать друзей". Оба Тома, рассудив, что их пригласили исключительно из вежливости, сослались на желание поближе познакомиться с городом за время их недолгого пребывания. Они взяли Лилу с собой в единственный приличный отель в этих местах, которым заправлял француз, и провели весьма уютный вечер.

Начальник поначалу был не слишком словоохотлив. Он ждал, пока Колтон подаст ему повод для разговора. Доктор, со своей стороны, проявлял некоторую скрытность, не желая выдавать ничего, что могло бы скомпрометировать пациента. Так что беседа продвигалась со скрипом. Наконец, за кофе, начальник решил взять быка за рога.

– Вы говорите, Свейн – ваш пациент?

– Более или менее. Сам он себя таковым не считает, но я отношусь к нему как к больному. Впрочем, однажды он все-таки консультировался со мной.

– По поводу себя?

– Да. А почему вы спрашиваете?

– Я подумал, не шло ли речи о его жене. Когда она покидала Конго, она была совершенно здорова, но никогда нельзя предугадать, какие микробы лихорадки проснутся, едва выберешься из этой чертовой дыры.

– Вы интересуетесь медициной? – парировал доктор.

– А кто в этом болоте ею не интересуется? Нам приходится держать ухо востро. Но я лишь любитель, причем весьма поверхностный. И все же я подозревал, что миссис Свейн долго не протянет после отъезда. Вы случайно не знаете, от чего она умерла?

– Она со мной не консультировалась, так что не могу сказать. Но тело я видел.

– И у вас не сложилось никакого мнения?

– Не тогда. Позже я обдумал увиденное и сделал весьма приблизительное предположение.

– Не поделитесь соображениями?

– Не прямо. Не нарушая врачебной тайны, могу сказать лишь вот что: Свейн в течение некоторого времени – как до, так и после смерти жены – находился под тяжелейшим психическим давлением. Я до сих пор не знаю, что вызвало это состояние. Скажите, а туземцы здесь часто балуются наркотиками?

– Жуют разные листья и кору – по крайней мере, самые опустившиеся из чернокожих этим балуются. А еще они порядочно пьют: пальмовое вино, туземное пиво и тому подобное. Так вы думаете, Свейн пристрастился к дурным привычкам?

– Я не уверен. Какая у него здесь была репутация?

– Скверная. На самом деле хуже некуда. Против него никогда не замечалось ничего явного, за что можно было бы зацепиться, но это черное пятно признавали в общем-то все. – Начальник станции запнулся. – Не хотите ли сигару? Они быют как раненый слон. Ничто так не помогает пищеварению.

Когда сигары были раскурены, начальник поднялся и принялся медленно прохаживаться взад-вперед.

– Я расскажу вам все, что знаю о Свейне, ради вашей же безопасности, – возобновил он разговор. – Как начальник станции, я считаю это своим долгом, даже рискуя очернить чужое имя. В каком-то смысле я отвечаю за вашу безопасность, пока вы находитесь в Конго, так что имею полное право вас предостеречь. Свейн – законченный мерзавец.

– Преступник?

– Хуже. Он понятия не имеет о разнице между добром и злом. Я часами беседовал с ним. Его абсолютное равнодушие или отсутствие безразличия при виде самых отвратительных туземных зверств выдавали в нем человека, лишенного элементарных представлений о цивилизованном приличии. Мне кажется, он вообще не способен на эмоции. Как медицинский миссионер он справлялся неплохо, но для него это всегда было лишь средством заработка на хлеб с маслом, и ни малейшей искры человеческого сострадания. Естественно, мне стало интересно, зачем он вообще пошел в эту профессию, и я начал его расспрашивать. Его ответ был весьма показательным. Я вытянул это из него не сразу. Собственно, мне потребовалось без малого три года, чтобы докопаться до дна его сущности. Но я должен вернуться назад и рассказать вам немного о его жизни.

Свейн родился в Небраске в семье евангелиста старой закалки. Единственными книгами, разрешенными в доме, были трактаты и тому подобная литература, которую отец использовал в своей проповеднической работе. Примерно в пятнадцать лет, учась в средней школе, юный Свейн впервые услышал о науке. Там преподавали курсы ботаники и элементарной биологии, которые Свейн буквально проглатывал. Впервые в жизни он услышал о Чарльзе Дарвине и эволюции. Эта теория произвела глубокое впечатление на его неокрепший подростковый ум, и он постоянно разглагольствовал о ней дома.

Отец был в ужасе. Он спорил с мальчиком и неизменно терпел поражение, поскольку его собственное образование было, мягко говоря, ограниченным. В науке он, судя по всему, не смыслил ровным счетом ничего. Не сумев одолеть сына в споре, он обрушился на школу и преуспел в том, что преподавание естественных наук отменили. А затем, по словам Свейна-младшего, произошло чудо. Ему едва исполнилось шестнадцать, когда он обратился в веру на молитвенном собрании, которое проводил его отец. Радость отца можно себе представить. Его рвение было вознаграждено сверх всяких ожиданий.

Но дело было сделано. Юный Свейн прочитал всего Дарвина и более или менее переварил прочитанное. Извергнуть это из своего мировоззрения он уже не мог. Он оказался в скверном положении. В его шестнадцатилетней голове должны были уживаться теория эволюции и отцовские догмы, да так, чтобы мозг не взорвался. Но, как я уже сказал, произошло чудо.

К радости прослезившегося отца сын объявил о своем намерении опровергнуть теорию эволюции и посрамить Дарвина вместе со всеми его последователями. Поначалу ему пришла в голову мысль уничтожить науку с помощью ораторского искусства. Юный проповедник имел успех ровно три месяца. Затем публика – дело было в Нью-Йорке – начала открыто над ним потешаться, а пресса окончательно добила его серией жестоких карикатур. Небраска приветствовала его возвращение домой и утешила его уязвленное тщеславие грандиозным митингом в его честь.

Его не ввела в заблуждение эта местечковая слава. Нью-Йоркский урок был усвоен твердо. Чтобы сокрушить науку, ему нужно было сначала освоить несколько трюков из самой научной игры. Здесь на помощь пришел отец. Почему бы сыну не выучиться на врача и своими глазами не увидеть факты, опровергающие дарвиновские бредни о людях, произошедших от обезьян? Эта идея разожгла воображение мальчика. Он станет медицинским миссионером и сразит целую академию обезьян одним силлогизмом. Будучи студентом-медиком, он изучит сравнительную анатомию; как врач-миссионер в Африке он увидит людей и обезьян в действии вместе и, умело применив свои медицинские знания, раз и навсегда продемонстрирует нелепый абсурд эволюции.

Согласитесь, для шестнадцатилетнего мальчишки это были неслабые амбиции. Его родной город в Небраске с радостью собрал необходимые средства, чтобы оплатить медицинское образование. В каком-то смысле это были хорошо потраченные деньги. Если вы не поленитесь заглянуть в архивы медицинского колледжа, то обнаружите, что Свейн окончил его лучшим на своем курсе.

– Вот это и есть самая непостижимая часть, – заметил Колтон. – Перед отъездом из Чикаго я дал себе труд разузнать о Свейне все, что мог. Его год в медицинском колледже – один из лучших в истории заведения. Робертсон, Бэнкрофт, Х. С. Смит, Тайсон и еще дюжина менее известных, но все же первоклассных специалистов – все они были из того выпуска. И все же Свейн обошел их всех. Сейчас кажется невозможным, чтобы у Свейна когда-то был интеллект, позволивший ему выделиться в таком списке. Должно быть, болезнь или что-то еще сыграло злую шутку с его разумом.

– Подозреваю, это было именно "что-то еще", – сухо продолжил начальник станции. – Итак, Свейн получил диплом врача, и весьма хороший. С получением назначения в Африку проблем не возникло. Он мог получить лучшее место на континенте. Вместо этого он выбрал

глухую станцию здесь, в Конго. Перед отъездом из Штатов он женился. Его невеста поехала с ним и без единой жалобы следовала за ним в самые омерзительные уголки этой богом забытой страны. Их дочь родилась в грязной туземной хижине в трехстах милях от ближайшего поселения белых.

Свейн никогда не оставался на одном месте дольше нескольких месяцев. Каждое новое перемещение заводило его все глубже и глубже в лес. Подозреваю, что многие из его экспедиций имели мало общего с лечением больных. Он и сам это признавал. Его сердце принадлежало обезьянам, а не людям. Неделями и месяцами он практически жил с приматами, павианами, мартышками и шимпанзе в их родных лесах.

Шесть лет назад он утверждал – и я верю, что справедливо, – что знает о жизни и поведении обезьян в целом больше, чем любой другой человек, живой или мертвый. Семья не всегда сопровождала его в этих странных экспедициях, особенно когда дочь была совсем маленькой. Но когда она подросла – примерно с пятнадцатилетнего возраста – вся семья неделями исчезала в лесу. Свейн принес в жертву свою жену и дочь, да и самого себя, своей фантастической мании опровергнуть эволюцию.

Теперь я перехожу к той части, которая заслужила Свейну презрение каждого белого человека в Конго. Не довольствуясь освоением доброго десятка туземных диалектов, Свейн фактически вступил в четыре самых низкоразвитых племени. Он сделал это, по его словам, чтобы стать ближе к душе черного человека.

Если слухи не врут, Свейн приблизился к душам своих черных братьев настолько близко, насколько это вообще возможно для человеческого существа, черного или белого. Говорят, что в течение значительного времени он был колдуном. Вы понимаете, о чем я: низкопробный туземный факир, который скачет вокруг, измазанный собачьей кровью и куриными мозгами, делая вид, что вынюхивает ведьм и других злоумышленников.

– У вас есть идеи насчет его мотивов?

– Не могу сказать, что понимаю их. Хоть Свейн и мономаньяк в вопросах эволюции, он не настолько безумен, чтобы верить в африканскую магию. Начальники станций выше по реке говорили, что все это был чистый коммерческий расчет. Возможно, они правы. Достоверно известно, что Свейн сколотил приличное состояние на слоновой кости и шкурах, которые он собирал в качестве платы за свое колдовство.

– Он забросил свою обычную медицинскую практику?

– Да, он порвал с миссией примерно за шесть лет до того, как отошел от дел, живя на доходы от своей новой профессии. Новое ремесло превзошло старое по прибыльности в разы.

– А что насчет его характера?

– Разве я не намекнул? Здесь мы не слишком высокого мнения о человеке, который опускается до уровня самых диких туземцев. Но если этого недостаточно, я могу сказать вам, что его вышвырнули из всех четырех племен, которые его приняли. Он оказался слишком лживым даже для доверчивого туземного ума.

– А его жена?

– Она поддерживала его во всем. Почему? Потому что считала его странствующим рыцарем, посланным небесами, чтобы опровергнуть теорию эволюции.

– Что стало с дочерью? – тихо спросил Колтон. Он помнил мучительное признание Свейна о том, что его дочь умерла в Конго, и намек на то, что она страдала от той же болезни, что и ее мать.

– Я никогда не видел Эдит Свейн, – ответил начальник. – Но по слухам, в юности она была красавицей. Примерно в возрасте восемнадцати лет она начала терять свою привлекательность. Все свидетельства сходятся на этом. Из живой, умной девушки она превратилась в угрюмый, замкнутый, почти бесполой кусок плоти. Отец, пытаясь пробудить в ней интерес к жизни, взял

ее с собой в одну из самых диких экспедиций в лес. Она всегда любила бабочек и насекомых настоящей глуши.

Так что со стороны Свейна было вполне естественно подумать о долгом пребывании в лесу как о возможном лекарстве от болезни дочери. Они оставили миссис Свейн в одной из грязных туземных деревень и углубились в самую дикую часть леса с тремя туземными проводниками. Четыре недели спустя Свейн вернулся один. Проводников, по его словам, покусали и убили рогатые гадюки. Эдит погибла, пытаясь переплыть коварный речной порог. Я никогда не верил ни тому, ни другому утверждению.

Колтон вздрогнул.

– Вы думаете, он избавился от нее, а проводников застрелил, чтобы они помалкивали?

– Это заходит дальше, чем я готов утверждать. Обвинить человека в убийстве собственной дочери – дело серьезное.

– Полагаю, вы ошибаетесь, – медленно произнес Колтон. Он думал о жене Свейна. Конечно, человек, который заботился об этом бедном существе до самого конца, не поступил бы иначе с дочерью, какой бы отталкивающей ни была ее болезнь. – Нет, по этому пункту Свейн невиновен. Я не могу назвать вам причины, по которым я так считаю, но они довольно веские. Со временем мы все узнаем. Почему вы подумали, что миссис Свейн долго не протянет после того, как покинет Конго?

– Это была просто догадка. Возможно, я ошибся, если то, что вы говорите о Свейне, окажется правдой. Перед отъездом она начинала выглядеть, по описаниям, точь-в-точь как ее дочь. Весь ее дух казался мертвым. Когда я впервые ее увидел, она была прекрасна. Когда же она садилась на пароход, она была грубой, тупой, чувственной – фактически, на полпути к зверю. Конго в конце концов добралось до нее.

– Одно можно сказать наверняка, – произнес Колтон после долгого молчания. – Ваши подозрения насчет дочери не подтверждаются тем, что случилось с матерью. Свейн был за много миль оттуда, когда она умерла. Это был несчастный случай. Я видел это своими глазами.

– Что за несчастный случай?

– Ее переехали в парке.

Колтон, имея намерение обмануть, сказал чистую правду. Все зависело от того, как истолковать слова "переехали" (run down). Начальник станции представил себе автомобильную трагедию, как Колтон и рассчитывал. Доктор чувствовал, что собеседник вышел на слишком горячий след. Еще немного, и он велит арестовать Свейна за убийство. Это было бы совершенно некстати. Колтон хотел досконально изучить Свейна, прежде чем расстаться с ним навсегда.

– Я очень благодарен, – сказал он, поднимаясь, чтобы пожелать доброй ночи, – за все ваши сведения. Я буду пристально следить за другом Свейном.

Он дошел до отеля, где просидел до рассвета в глубоких раздумьях.

Шесть месяцев ежедневной работы вдоль охваченных лихорадкой берегов великой реки, с базами в Леопольдвиле и Киншасе, дали Колтону две трети информации, необходимой для отчета. Было овершено множество экспедиций в малонаселенные внутренние районы или вверх по реке к последним отдаленным факториям белых торговцев, но в целом шесть месяцев прошли в монотонной рутине составления таблиц и проверки отчетов, которые кипами скапливались в главном офисе. Во всей этой работе Лила была настоящей помощницей.

После третьей экскурсии в гниющие леса Большой Том решил, что чистая комната с циновками на полу предпочтительнее забитой муравьями подстилки из разлагающейся растительности трехфутовой глубины. Мрачное безмолвие, куда буквально никогда не проникало солнце, могло быть раем для насекомых, но на белого человека с расшатанными нервами оно действовало невыразимо угнетающе. Большой Том погрузился в бесконечный рентгеновский

анализ заволаживающих образцов минералов, которые начальник станции в Киншасе любезно предоставил в его распоряжение.

– Нашел что-нибудь интересное? – поинтересовался Колтон.

Большой Том поднял крошечный осколок металла, испещренный плоским кристаллическим узором.

– Ты, конечно, понимаешь, что это такое.

Доктор кивнул.

– Кусок метеоритного железа, верно?

– Да. Химически это почти чистое железо. Структура нормальная, и рентгенограмма одной из его солей, которую я сделал, показывает, что это не что иное, как железо.

– Этого и следовало ожидать, не так ли?

– Именно. Я также ожидал, что его удельный вес будет практически таким же, как у обычного чистого железа. Но это не так. Это железо при равном объеме в два с половиной раза тяжелее обычного чистого железа.

Колтон посмотрел на него с недоверием.

– Пожалуй, тебе лучше измерить температуру, – посоветовал он.

– Жара тут ни при чем. Вот, проверь сам.

Через полчаса Колтон проделал простые взвешивания и измерения, необходимые для проверки утверждения Блейка.

– Ну и ну, – заметил он, поднимаясь. – В этом нет никаких сомнений. Змея с собачьей головой была бы меньшим капризом природы. Где ты взял этот образец?

– Агент одолжил мне его вместе с остальными. Он говорит, что его принес несколько лет назад Маккей, один из правительственных геологов того времени. Этот человек, судя по всему, нашел фрагмент метеорита, наполовину зарытый в лесу примерно в пятистах милях к северо-востоку отсюда. Он отколол этот осколок. Я бы дорого дал, чтобы увидеть остальную часть глыбы. Маккей исчез около шести лет назад, так что от него ничего не дождешься. Предполагается, что он погиб в стране пигмеев. В дополнение к геологии он, похоже, был незаурядным исследователем. Жаль, что он мертв.

– Как ты объяснишь такой вес?

– Никак, – ответил Большой Том. – И все же есть одна разумная догадка. Это изотоп земного железа.

Колтон покачал головой.

– Здесь я пас.

– Идея довольно проста. Астон и другие обнаружили, что то, что мы еще несколько лет назад считали химическими элементами – свинец, кислород, золото и так далее, – вовсе не простые вещества, а тончайшие смеси нескольких различных веществ. Каждый элемент в смеси обладает химическими свойствами, идентичными свойствам всей смеси, но атомные веса нескольких составляющих различны. Например, ртуть состоит примерно из полудюжины отдельных элементов, обладающих абсолютно одинаковыми химическими свойствами. Но галлон одного компонента будет весить больше, чем галлон другого.

– И вот это железо, – продолжил он, – вероятно, находится в прямом отношении к обычному железу, найденному на Земле. Оно сформировалось в совершенно иных условиях, возможно, в гораздо более горячей и плотной звезде, чем наше солнце. Но даже при всем этом – это аномалия. Я думаю, нет ни одного другого известного случая, когда вес одной разновидности элемента при равном объеме в два с половиной раза превышал бы вес другой разновидности.

– Не виню тебя за то, что ты торчишь в комнате, вместо того чтобы устраивать пиршество для муравьев.

Скрипнула половица. Они резко обернулись и обнаружили Свейна, который свирепо смотрел на них, словно разъяренный зверь. От неожиданности ни один из них не произнес ни слова. Свейн нарушил молчание.

– Это принадлежит мне, – прорычал он, указывая на осколок метеоритного железа в руке Блейка.

– И как давно ты тут нас подслушиваешь? – с намеренной дерзостью спросил Большой Том. Он так и не смог перебороть свое глубокое отвращение к этому человеку.

Свейн сделал шаг вперед. Его лицо вновь превратилось в ту жестокую маску, что озидала пустой сундук в его чикагской квартире. Колтон наблюдал за лицом Свейна с холодным, пристальным вниманием. Для него эта ситуация была крайне интересной медицинской задачей, а не актом человеческой трагедии. Блейк крепче перехватил гаечный ключ.

– Приди в себя, – резко сказал он, – не то яогрею тебя этим по голове.

На секунду показалось, что Свейн вот-вот прыгнет. Но в то же мгновение маска изменилась. Судорога изумленной боли, похожая на недоуменный ужас души, проснувшейся в аду, исказила его лицо; мускулы расслабились, и черты снова обрели человеческий вид.

– Прошу прощения, что вошел без стука, – пробормотал он. – Я пришел узнать, не разрешите ли вы мне воспользоваться рентгеновским аппаратом на несколько минут.

Блейк уже собирался резко отказать, но взгляд Колтона остановил его.

– Хорошо, – сказал он. – Пожалуйста, пользуйся.

– Спасибо, теперь мне это не нужно. – Его глаза были прикованы к осколку железа в руке Блейка.

– Похоже, это тебя заинтересовало, – заметил Колтон, кивнув на железо. – Видел его раньше?

Свейн, спотыкаясь, опустился на стул, сгорбился над столом и разразился ужасными, над-рывными рыданиями. Двое мужчин смотрели на него с чувством беспомощного стыда. Никому не следует видеть, как другой человек так теряет самообладание. Для Колтона это был новый аспект дела, для Блейка – отвратительное и слезливое проявление дурного тона. Доктор начал думать, что ошибся насчет своего пациента. Этот человек, в конце концов, был способен на чувства. Так думал Колтон, но правда, как он узнал позже, оказалась куда менее простой. Никто ведь не приписывает искренних чувств пропитому пьянице или наркоману в стадии слезливого раскаяния.

Наконец Большой Том не выдержал.

– Да возьми же себя в руки, человек, сядь прямо! Чего ты расклеился из-за пустяка?

Свейн поперхнулся, прекратил эти ужасные звуки и повернулся к Колтону.

– В последний раз я видел это железо, – с трудом выговорил он, – в тот день, когда умерла моя дочь.

Большому Тому стало неловко, и это было заметно по его лицу. Доктор же, помня рассказ начальника станции, просто ждал.

– Ты занимался разведкой недр? – предположил он, прекрасно зная, что ничего подобного Свейн не делал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.